

**ПРОТЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И «ЧИСТКИ»
СОВЕТСКО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ «НИЗОВ» НА ЕНИСЕЕ
(1920–1934 ГГ.)**

Шекшеев Александр Петрович,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, член правления
Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий (г. Абакан).*

Данная статья рассказывает о взаимоотношениях между «верхами» и «низами» коммунистического режима в эпоху начиная с военного коммунизма и завершая коллективизацией. Используя большой массив архивных документов, автор на примере сельских местностей Енисейской Сибири показывает, что советско-коммунистические власти стремились к росту и единению рядов своих организаций. Но в силу противоречивости нэпа этого им так и не удалось осуществить. Соответственно с политикой государства менялись опора и облик создаваемой на селе советской власти. Сторонников политических оппозиционных «уклонов» в енисейской деревне было сравнительно немного. Между тем какая-то часть коммунистов и сельсоветчиков, сохранивших свою крестьянскую ментальность, активно сопротивлялась государственному насилию и защищала от него своих односельчан. Осуществляемые по инициативе центральных властей, «чистки» коммунистических ячеек и советских органов устраняли лиц «чуждого» происхождения, морально разложившихся, а также тех, что оказались неспособными проводить антикрестьянскую политику. Во время сплошной коллективизации в силу применения государством политических репрессий уровень сопротивления партийно-советских «низов» упал, он приобрел новые формы и более скрытный характер. Происходившие с участием или по инициативе сельского актива протестные и конфликтные события не были проявлением «классовой борьбы» или «гражданской войны». Однако они, вызывая пристальное внимание руководства, придавали крестьянскому протесту большую осмысленность и политическую окраску.

Ключевые слова: *власть, деревня, Енисейская губерния, коллективизация, коммунисты, крестьяне, «кулаки», налог, округа, оппозиция, советы, «чистки», ячейки.*

**PROTEST ACTIONS AND «PURGES»
OF THE SOVIET-COMMUNIST «BOTTOMS» ON THE YENISEI
(1920-1934)**

Sheksheev Alexander Petrovich,

*Ph.D. in History, senior researcher, member of the Board
Khakass Republican Association of Victims of Political Repressions (Abakan).*

This article tells about the relationship between the "top" and "bottom" of the communist regime in the era beginning with war communism and ending with collectivization. Using a large array of archival documents, the author shows by the example of rural areas of Yenisei Siberia that the Soviet-Communist authorities sought to grow and unite the ranks of their organizations. But due to the inconsistency of the NEP, they never managed to do this. Accordingly, the support and appearance of the Soviet government created in the village changed with the policy of the state. There were relatively few supporters of political opposition «deviations» in the Yenisei village. Meanwhile, some of the communists and village councillors, who retained their peasant mentality, actively resisted state violence and protected their fellow villagers from it. Carried out on the initiative of the central authorities, the «purges» of communist cells and

Soviet organs eliminated persons of «alien» origin, morally decomposed, as well as those, that they were unable to pursue an anti-peasant policy. During the continuous collectivization, due to the use of political repression by the state, the level of resistance of the party - Soviet «bottoms» has fallen, it acquired new forms and a more secretive character. The protest and conflict events that took place with the participation or on the initiative of a rural activist were not a manifestation of the «class struggle» or the «civil war». However, they, arousing the close attention of the leadership, gave the peasant protest greater meaning and political coloring.

Keywords: government, village, Yenisei province, collectivization, communists, peasants, «kulaks», tax, districts, opposition, soviets, «purges», cells.

Проблема сущности РКП/ВКП(б) и советской власти глубоко изучалась учеными [См., например: 1–7; и др.], но многие стороны их существования и деятельности времен нэпа и коллективизации остались по-прежнему слабо исследованными. К примеру, вступление в большевистскую партию означало для её нового члена повышение социального статуса и открывало перед ним перспективу карьерного роста и даже взлета. Руководство партии стремилось к более однородному, пролетарскому составу её рядов, но с целью формирования партийно-советской элиты объявляло наборы кандидатов из разных категорий населения. Обеспечение привилегиями и проникновение во властные структуры являлись стимулами для широкого круга самых разных людей и порождали групповщину. Однако изучение партии как социального лифта, по мнению историков, получило лишь начальное развитие [8, с. 903, 905, 926].

Исследовательским вниманием не была обделена и происходившая в партийно-советском лагере политическая борьба. Рассматривая её, историки инициаторами этих коллизий сначала называли сталинских оппонентов, якобы стремившихся к разрушению партии, а с конца 1980-х годов – только Иосифа Виссарионовича Сталина, по-своему понимавшего методы социалистического строительства. Согласно положений «тоталитарной школы» и укоренившейся парадигме освещения внутривластной борьбы, формирование сталинской диктатуры было обосновано послереволюционным политическим развитием и являлось неизбежным процессом [9, с. 5].

Между тем историки в основном сосредотачивались на изучении доктринальных аспектов внутривластной борьбы и лишь в последние десятилетия перешли к рассмотрению, например, сибирской оппозиции [9, с. 8]. При этом и в данных трудах [10–13], в силу недостаточного привлечения архивных документов, указанное противоборство на уровне деревни освещалось сугубо фрагментарно. Заявляя, что «вся история советского государства пронизана непримиримостью и искоренением всякого инакомыслия, отличного от официальной доктрины», один из авторов, к примеру, ограничился показом репрессий только по отношению к бывшему офицерству, «старым» специалистам и прошлым соратникам большевиков по борьбе с самодержавием [14, с. 464–465].

В целях контроля за состоянием своих рядов и их регулирования коммунистическое руководство применяло разные инструменты и, в частности, всяческие «чистки», которые начали основательно изучаться историками [15–17]. Используя становление номенклатурного подхода, сталинское окружение устранило политическую оппозицию, но так и не превратило партию в социально однородную и идеологически сплоченную организацию [8, с. 921]. Однако публикаций, освещающих события в глубинке, написанных с привлечением большого архивного материала и способных к воссозданию общей картины, пока не наблюдается.

Важнейшей и активно изучаемой в последнее время темой стало крестьянское сопротивление коммунистическому режиму. Рассматриваемое ранее в качестве проявлений контрреволюционности и бандитизма, которые исходили от врагов советской власти, в современной литературе оно уже представлено особым феноменом, истоки которого восходили к дореволюционной России. Но даже при изучении его наиболее острой формы – крестьянского повстанчества – одни историки определяли его как

искусственный и спровоцированный властями вооруженный конфликт [18, с. 29], а другие – считали настоящей гражданской войной [19, с. 24].

Обращаясь к исследованию классово-борьбы в деревне, патриарх сибирских историков-аграрников предсказывал зависимость его итогов от изучения событий на территории различных районов страны и освоения массива новых архивных документов [20, с. 76]. В отсутствие такого подхода обозначенное учеными [21] «обыденное» протестное поведение крестьян, скрытое, молчаливое и сотканное из никем не координированных постоянных действий, все еще незначительно подкрепляется фактическим материалом.

Разные взгляды присущи ученым и на сущность обусловленности так называемого «большого террора». Некоторые историки, стремясь обелить репрессивную деятельность сталинских кадров, начали возлагать её на региональные элиты, которые, соперничая между собой и центром в борьбе за власть, якобы стали его инициатором. Возражая такому изложению событий, еще одна исследовательница заявила, что оно не учитывает характера механизма власти, заложенного большевиками в октябре 1917 года и существовавшего тогда в СССР [22, с. 19–20]. Данное противоречие требует выяснения состояния и отношений в региональных и местных советско-коммунистических организациях первой половины 1930-х годов.

В означенной ситуации освещение такой почти неизученной и пограничной между историей внутрипартийной борьбы и крестьянского протеста темы, как отношения партийно-советских «верхов» и «низов», обретает крайнюю актуальность.

Новая власть пришла в енисейскую деревню с организацией советов, которые тут же были заменены ревкомом. Несмотря на то, что к началу 1920 года коммунистов на три тысячи сибирских крестьян приходилось по одному человеку [16, с. 151], они или лица, поддерживавшие советскую власть, избирались или назначались в состав ревкомов. К примеру, крестьянин-середняк, участник революции 1905–1907 годов и сочувствующий РКП(б) Д. С. Шадрин (здесь и далее: имя и отчество неизвестны) стал председателем Александровского волостного ревкома в Красноярском уезде. Членами этого же органа были избраны середняк и коммунист с 1918 года А. П. Пясецкий и бедняк и сочувствующий РКП(б) К. А. Удре. Председательскую должность в Больше-Муртинском волревкоме отдал бедняку и сочувствующему большевистской партии А. С. Ковригину. Вознесенский волревком возглавил такой же крестьянин Т. З. Василевский, Заледеевский – коммунист с 1917 года П. И. Шеходанов, а Кияйский – середняк П. П. Скоромкин, принимавший участие в установлении советской власти. Назначение председателем Сухобузимского волревкома получил середняк Л. Т. Березин, в прошлом член советов и участник борьбы с белыми [23, с. 215, 219–223; 24, с. 14–15, 17, 19, 30].

Большинство же членов ревкомов было из бедняков, середняков и даже «темных элементов» или перерожденцев. К примеру, в Абаканской волости его председателем крестьяне избрали середняка и коммуниста с 1917 года Ф. С. Заброденко (имя и отчество неизвестны), который так и не смог расстаться с методами военного коммунизма и затем попал под уголовное преследование¹. На прошедших в июле 1920 года выборах в деревне были созданы сельские советы и волостные исполкомы (ВИКи). Однако деятельность коммунистов в составе ревкомов по исполнению приказов вышестоящих органов воспринималась крестьянами настолько отрицательно, что, судя по сообщению одного из историков, они прошли в советы в незначительном количестве и составляли в сельских органах Енисейской губернии 1 %, а в волостных – 5,3 % [25, с. 150].

Наряду с ревкомом и советами, власть воплощалась в коммунистических ячейках, создаваемых с приходом частей Красной армии и с возвращением домой бывших партизан. Организуемые в деревнях, они объединялись в волостные и затем уездные парторганизации. В результате численность коммунистов, например, в Ачинском уезде с

¹ Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П–1. Оп. 1. Д. 860. Л. 188.

марта и до августа 1920 года выросла с 17 членов и 15 кандидатов до 145 и 157 подобных же лиц. В деревнях Енисейского уезда только с июня и до августа количество ячеек увеличилось с 13 до 20. К июлю того же года в Красноярском уезде число их членов возросло до 400 человек².

Однако, вследствие малочисленности членов партии с шестимесячным стажем, которые имели право давать рекомендации желающим, условий для роста численности кандидатов, было недостаточно. Поэтому в Сибири, вопреки принятому в декабре 1919 года Уставу РКП(б) и в отличие от организаций центральной России, решением I Всесибирского совещания РКП(б) (27–31 марта 1920 года) был сохранен институт сочувствующих. Выжидая и поддерживая советскую власть, какая-то часть крестьян записывалась в их ряды. Поэтому «особенного наплыва» крестьян в РКП(б) не наблюдалось, а численность партийцев в Енисейской губернии постоянно колебалась. Так, в июле 1920 года здесь насчитывалось 4314 и в уездах – 2514 коммунистов. В то же время в другом источнике было засвидетельствовано, что в 593 селениях региона были образованы ячейки общей численностью в 3827 членов³.

Значительную часть данных лиц составляли бывшие партизаны. К примеру, в Минусинском уезде они насчитывали до 70 % всех членов, кандидатов РКП(б) и сочувствующих. В некоторых местностях лица, в прошлом партизанившие, заняли ответственные посты во властных структурах, что вызывало недовольство в среде «назначенцев», то есть лиц, присланных властями⁴. Напротив, в северной части Ачинского уезда «грубое и неумелое» разоружение возвратившихся партизан при отсутствии культурно-просветительной работы привело их к враждебному отношению к советской власти⁵.

Среди членов первых ячеек находились лица, далекие от коммунистической идеологии. Случалось, что крестьяне, «обобранные бандой до нитки», объявляли себя коммунистами и сплывались в отряды с целью получения оружия. При этом связь с вышестоящими партийными органами они не поддерживали⁶. Забегая вперед, укажем, что в конце 1920 года некоторые сельчане, как это было зафиксировано органами, создавали ячейки не для проведения в жизнь решений советской власти и осуществления партийной работы, а с целью грабежа населения⁷. Было и такое, что с появлением на инородческой территории коммунистических и милицейских отрядов неграмотные жители улусов для защиты своей жизни и имущества поголовно оформляли свое членство в РКП(б).

Впоследствии такие «коммунисты» легко расставались с партией. Так, еще в 1920 году после того как некоторые крестьяне заявили посетившим их представителям власти о насильственной записи в РКП(б), например, в селе Костино Ачинского уезда специально созданная комиссия осуществляла фильтрацию членов ячейки. Некоторые деревенские коммунисты «вырезались» крестьянскими повстанцами, бежали от них в более крупные селения, а сами ячейки распадались. К ноябрю того же года в том же уезде из РКП(б) вышли 140 человек. В 1921 году под влиянием событий в Кронштадте с нею расстались 30 членов губернской организации. Обстановка заставила коммунистов-инородцев из улусов Сарала, Подкамень и Божье Озеро бежать в «банды» [26, с. 510]⁸.

С образования советских органов и коммунистических ячеек их основная деятельность была направлена на выполнение крестьянами объявленных весной 1920 года продовольственных разверсток. Несмотря на декларируемый властями ненасильственный характер поставок населением продуктов, они проходили под контролем военных и с применением ими репрессий, в частности, к деревенским властям. Так, в конце мая

² Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 298. Л. 1; Д. 309. Л. 32–33.

³ Там же. Д. 272. Л. 53; Д. 1088. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 186. Л. 85, 91.

⁵ Там же. Л. 85 об., 88.

⁶ Там же. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 100. Л. 227; Д. 139. Л. 181.

⁷ ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 15. Л. 23.

⁸ Там же. Оп. 4. Д. 6. Л. 5; ГА НО. Ф. П–302. Оп. 1. Д. 151. Л. 53.

начальник одной из воинских частей в Канском уезде подверг аресту «бездействующих» руководителей Шелаевского волостного и Преображенского сельского ревкомов и конфисковал их продукты. Информированные об этом, сельские сходы избрали новых председателей, постановили прекратить гнать самогонку и обещали выполнить разверстку⁹.

Но в мае – июле 1920 года система заготовок, когда соответствующие работники перешли к изъятию продуктов без учёта потребностей в них самих крестьян, стала все более возмущать деревню. Недовольство, возникавшее по поводу одновременного взыскания разверсток, выливалось в протесты всего населения того или иного селения, от участия в которых представители местных властей были не в силах находиться в стороне. К примеру, в мае Кускунское общество Красноярского уезда в силу сложившихся тяжелых экономических условий отказалось поставлять сено и солому, предоставлять требуемое губернским продовольственным комитетом (ГПК) количество скота¹⁰. 7 июня сход одного из селений Ачинского уезда из-за незначительности имеющегося поголовья решил не выполнять мясную разверстку. Через несколько дней такой же сход в селе Шошкино Красноярского уезда постановил воздержаться от выполнения подводной повинности. 20 июня съезд представителей населения Шилинской волости, заслушав требование ГПК о разверстке хлеба, постановил: «В виду того, что наряд не соответствует действительному состоянию излишков хлеба, от второй половины разверстки отказаться». Заслушав предписание продовольственного органа о разверстке яиц, крестьяне деревне Мало-Нахвальской вынесли резолюцию: «Так как в настоящее время мы нуждаемся в самом необходимом, именно соли и мыле, то выполним разверстку после того, как будем этим снабжены»¹¹. 18 июля жители села Бея, собравшись на сход и заявив, что «хлеб сами не дадим», отказались выполнять заготовительное задание, за что были наказаны объявлением военного положения. Не стало выполнять продразверстку и население соседнего села Сабинка¹².

Более того, некоторые ревкомы переходили к защите продовольственных интересов местного крестьянства. Зная об отсутствии в селениях Мало-Улуйской волости продовольственных излишков, ревком 14 июня отказался от взимания разверстки с крестьян. Советские органы одной из волостей Минусинского уезда в связи с нахождением на её территории воинских частей постановили освободить жителей от выполнения нарядов до получения нового урожая, а ещё четырёх – заявили о полном отсутствии у населения заготавливаемых продуктов¹³.

В начале октября 1920 года выполнять разверстку отказались жители пяти волостей Красноярского и стольких же – Ачинского уезда¹⁴. В ноябре их примеру последовал Ново-Еловский волостной съезд в Красноярском уезде. Из-за угона скота воинскими частями разверстку на мясо решили не выполнять жители Козульской волости¹⁵. Начавшаяся ссыпка семян в общественные амбары, которая ставила будущий сев в зависимость от властей, была встречена населением, например, Минусинского уезда крайним недовольством. Состоявшееся 23 декабря уездное продовольственное совещание констатировало, что даже деревенские коммунисты готовы перейти в оппозицию к советской власти [27, с. 80]¹⁶.

Обусловленное внутренними противоречиями, а теперь еще и грозившее невыполнением хлебозаготовительных заданий, положение в партии заставило её руководство произвести проверку организаций. В Енисейской губернии объявленное

⁹ ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 175. Л. 6.

¹⁰ ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 18; ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 98.

¹¹ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 159, 188, 190–191.

¹² Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 15. Л. 33; Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 92. Л. 35.

¹³ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 159; Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. Р-674. Оп. 1 а. Д. П-6495. Л. 12.

¹⁴ ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 202. Л. 121; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 68; Д. 50. Л. 37, 47, 50.

¹⁵ ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 24; Д. 54. Л. 2.

¹⁶ МКУ «АГМ». Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.

решением IX съезда РКП(б) (март–апрель 1920 года) и июньским циркуляром ЦК проведение Всероссийской перерегистрации членов РКП(б) и введении нового партийного билета затягивалось. Поэтому местный губком (ГК) 28 декабря вынужденно постановил завершить его к 15 января 1921 года. Регистрируя партийцев, комиссии удаляли из их рядов лиц, нарушавших партийную дисциплину, этику и морально разложившихся. Несмотря на исключение и выход из партии, согласно опубликованным сведениям, 1 тысячи человек, или более 20 % всех партийных сил губернии [16, с. 152–153, 155], к 1 февраля 1921 года на её территории насчитывались 678 ячеек, 3404 члена и 2860 кандидатов в члены РКП(б), в том числе в уездах – соответственно 490, 1220 и 1754¹⁷. При этом партийные органы региона сохранили для крестьян институт сочувствующих.

Между тем регистрация коммунистов не имела серьезного влияния на развитие региона. Тяжелые последствия взимания продразверстки и ликвидации крестьянского повстанчества, начавшееся преследование красного бандитизма и сепаратизма, осуществление внутрипартийной борьбы между сторонниками военно-коммунистических и более демократических отношений с деревней осложняли политическую ситуацию. В Ачинском уезде все большую популярность среди населения приобретали местные партизанские вожди. Перед Дмитрием Иудовичем Колтыгой, инициатором создания и направления отряда для поимки «бандитов», была бессильна милиция, его именем поощрялось самогоноварение, по указанию этого человека крестьяне выполняли или не выполняли продразверстку. В Минусинске уездные работники, растерявшие свою оппозиционность губернскому руководству, все более утрачивали доверие партийных «низов». Находившиеся в уезде бывшие партизаны, выдвинув лозунг «Да здравствует Соввласть, бей колчаковцев и коммунистов», могли себе позволить «контрреволюционные выходы» по отношению к партийным работникам.

Таким, к примеру, было поведение этих людей в селе Рождественское Салбинской волости, где их движение возглавил И. Лукашевич (имя и отчество неизвестны). Вооруженные лица артелью гнали самогон и ежедневно устраивали драки, стрельбу и разбивание пчелиных колод. Состоявшийся по их инициативе сход из запуганных крестьян признал свое независимое «буферное положение» от минусинских властей, что заставило их срочно разоружать деревенских «сепаратистов», а их вожака подвергнуть аресту [28, с. 22].

Собравшись на свой съезд, бывшие партизаны избрали штаб и решили провести в Минусинске собственную «чистку» партийно-советских учреждений. Но состоявшиеся 14 и 15 марта 1921 года пленумы уездного комитета (УК) РКП(б) постановили уволить некоторых служащих, а обособленные партизанские съезды впредь не проводить. На прошедшей следом уездной партконференции участники избрали новый состав УК и возложили на него обязанность пересмотра состава организаций и осуществления борьбы с неподчинением некоторых товарищей.

К этому времени какая-то часть членов РКП(б) понимала, что она, превратившись в ядро политической системы, переживала внутренний кризис и стала менее послушной [15, с. 152], а это грозило потерей управления государством. В качестве выхода участники X съезда партии (март 1921 года) постановили провести «чистку» партии от некоммунистических элементов, что вызвало неоднозначную реакцию в её и советских провинциальных организациях. Состоявшийся 3–5 апреля 1921 года II Минусинский уездный съезд советов, подведя итоги продовольственной работы и обсудив резолюцию съезда от 15 марта того же года «О замене разверстки натуральным налогом», признал работу уездного исполкома (УИКа) удовлетворительной, но в то же время показал, что борьба между «назначенцами» и «сепаратистами», ответственными работниками и рядовыми сторонниками советской власти не завершилась [29, с. 83].

¹⁷ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 272. Л. 56.

Объявление о нэпе не только усилило недовольство сельских коммунистов, милиционеров и беспартийной бедноты, живущих за счет распределения изъятого у крестьян продовольствия. Напротив, в некоторых селениях местные власти поддерживали своих избирателей, которые, узнав об отмене продразверстки, сопротивлялись сдаче и вывозу заготовленного хлеба. Таким, к примеру было поведение членов сельсовета в селе Балахта Ачинского уезда. 15 марта 1921 года они подверглись аресту, а толпа из 500 вооруженных вилами крестьян с криками «Долой коммунистов, хлеба не дадим!» пыталась их освободить. Взбунтовавшаяся толпа рассеялась только после того как милиционеры и продотрядовцы сделали несколько залпов в воздух. По этому делу были арестованы 90, но в Ачинскую уездную чека увезены 18 «зачинщиков». 23 июня их дело было направлено в губернский ревтрибунал (ГРТ)¹⁸. С апреля 1921 года в губернии началось взыскание с крестьян яичного, а с мая – масленичного налога. Сопротивление ему оказывали сельсоветы, например, Больше-Улуйской и Ново-Еловской волостей Ачинского уезда¹⁹.

Губернские власти были обеспокоены отношениями рядовых коммунистов и сельсоветчиков с советско-партийными функционерами в ряде уездов. 2 апреля 1921 года президиум Енисейского ГК РКП(б), заслушав информацию об Ачинском уездном съезде советов, был возмущен незначительным участием в его работе коммунистов, а также предложением делегатов избрать на губернский съезд лиц из «эсеровского и партизанского» списка. В Минусинской уездной парторганизации, как отметило общее собрание коммунистов 7 апреля 1921 года, по-прежнему нарушался принцип централизма и не выполнялись распоряжения УК партии. «Оппозиционным» к коммунистам по составу делегатов был, по мнению информаторов, Красноярский уездный съезд советов. Приветствуя Владимира Ильича Ленина, Льва Давидовича Троцкого, Григория Евсеевича Зиновьева и голосуя за резолюцию коммунистической фракции, его участники все же «провели» свой список делегатов на губернский съезд, в числе которых из 15 членов и кандидатов были восемь беспартийных [29, с. 83]²⁰. Согласно выступлениям делегатов III Ачинской уездной партконференции (30 мая – 2 июня 1921 года), виновными в недоверии крестьянских масс к РКП(б) являлись не ячейки, а руководители в городах. Несмотря на принятие резолюции, одобрившей деятельность УК, её участники выдвинули своих кандидатов в партийный орган²¹.

Враждебное восприятие предстоящей «чистки» имело место среди минусинских коммунистов. На IV губернской партконференции (июнь 1921 года) её участники по инициативе минусинцев вынесли резолюцию, которая неудовлетворительно оценивала работу своего руководства. Тогда ГК РКП(б) 14 июля постановил о замене фрондирующих функционеров. Состоявшееся 21 июля 1921 года заседание Сиббюро ЦК партии постановило сменить в Минусинске секретаря уездного парткома, председателя исполкома и других ответственных лиц [29, с. 87].

В этой обстановке губернские и уездные власти, наконец, перешли к осуждению деятельности коммунистических и милицейских отрядов, которые, занимаясь ликвидацией местного повстанчества, не чурались поступков, направленных против населения. Так, к примеру, чекистами было выявлено, что к 20 марта 1921 года бывшими партизанами и членами комячейки на станции Итат из политических целей были убиты её начальник, милиционер и житель, а из села Скрипачи Ачинского уезда милиционерами были вывезены двое граждан. Позднее у села Шарыпово было обнаружено до 70 трупов людей, которые были задушены [14, с. 69–70].

Начавшееся расследование этих и прочих преступлений сопровождалось реорганизацией и сокращением аппарата милиции. Несмотря на то, что призывы бывшего

¹⁸ ГА КК. Ф. Р–448. Оп. 2. Д. 256 а. Л. 120; Д. 342. Л. 63, 68, 76–77, 109.

¹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р–1943. Оп. 2. Д. 459. Л. 3 об., 5.

²⁰ ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 113. Л. 42.

²¹ Там же. Ф. П–6. Оп. 1. Д. 5. Л. 33–34, 40.

партизанского вожака и начальника коммунистического отряда Михаила Харитоновича Перевалова не встретили массового отклика среди населения, данные события раскололи лагерь сторонников советской власти. Члены пяти коммунистических ячеек Ачинского уезда отказались от борьбы с «бандитизмом», а уездная милиция наполовину дезертировала. На сторону переваловцев перешел отряд особого назначения (ОН), состоявший из 70 коммунистов. Партийные ряды покинули Мининская и Свищевская комячейки Красноярского уезда. Вслед за арестом двух коммунистов, обвиняемых в убийстве конвоируемых ими лиц, начался выход из партии 26 членов Шалинской, Безруковской и других ячеек Канского уезда [26, с. 451, 510; 30, с. 122, 125–127]²².

Летом 1921 года власти перешли к подготовке взимания нового сельскохозяйственного налога. Пережившие полное изъятие продуктов крестьяне, едва услышав о нем, приходили в неистовство. В деревне Байкалово Минусинского уезда сход жителей отказался платить налог. Следуя их примеру, население соседней деревни Быскар решило не выполнять заготовительное задание. Отказались от его выполнения крестьяне Бирилюсской волости и села Сорокино Ачинского уезда²³. В первой половине сентября из-за отсутствия хлеба и масла решение не выплачивать масленичный налог вынесли сходы в Покровской волости Красноярского уезда²⁴.

В этих случаях власти прибегали к аресту авторитетных на селе крестьян. Так, посланная ими комиссия задержала в Беллыкской волости 11 человек, в частности «агитаторов» – председателя и члена Байкаловского сельсовета, членов Быскарского совета и заставила крестьян платить налог²⁵. 6 сентября президиум Ачинского УИКа за неудовлетворительную организацию налоговых операций арестовал трех председателей сельских советов и целиком Михайловский совет, а также отправил на принудительные работы членов Кемчугского учреждения. За бездействие в проведении сбора масленичного и яичного налогов 16 сентября суду ГРТ подверглись члены Троицкого, Ильинского, Ново-Еловского и Листвянского сельсоветов. В силу того, что данные органы оказались не в состоянии осуществлять заготовки, Ачинский УК партии 22 сентября послал в селения продотряды во главе с коммунистами²⁶.

Не справившись с организацией товарообмена, власти прибегли к ранее испытанным методам. 12 сентября 1921 года Енисейский губернский исполком (ГИК) на основании постановления Совета Труда и Оборона (СТО) РСФСР предупредил население, что при первых признаках противодействия или замедления взноса продналога в упорствующие сёла будут вводиться воинские части и направляться сессии ГРТ. Рассмотрев вопрос о деятельности советских органов в Красноярском уезде, ГК РКП(б) 17 сентября констатировал, что она была «нормальной» только в Заледеевской волости. В остальных местностях аппарат «существовал лишь на бумаге», а сельсоветы бездействовали и списки налогоплательщиков не составляли. Поэтому командированными, к примеру, в село Большая Мурта сотрудниками губернской чека были арестованы девять человек, в том числе секретарь Айтатского сельсовета, делопроизводитель волостного военного отдела и прочие лица, снабжавшие «банду» документами, продуктами и сведениями²⁷.

Основываясь на обращении ЦК от 27 июля 1921 года и создав проверочный орган во главе сначала с Владимиром Симоновичем Гоштовтом, а затем с Яном Яновичем Озолиным [15, с. 131–132], Енисейский ГК РКП(б) с 25 сентября приступил к осуществлению всероссийской «чистки». В инструкцию, разработанную комиссией, был включен специальный пункт, согласно которому из числа коммунистов исключались все лица, имевшие хотя бы малейшее отношение к «переваловщине». Из уездной милиции была упразднена группа лиц, которые вознамерились физически устранить тех

²² Там же. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 105. Л. 130.

²³ ГА НО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 281. Л. 86.

²⁴ Там же. Ф. П–1. Оп. 2 а. Д. 16. Л. 85.

²⁵ МКУ «АГМ». Ф. Р–25. Оп. 1. Д. 304 а. Л. 23, 152.

²⁶ ГА НО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 619. Л. 21–23.

²⁷ ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 173. Л. 69; ГА НО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 27. Л. 95.

ответственных работников, что выступали за наведение служебного порядка и должностной дисциплины. Однако в селе Шарыпово комиссия по «чистке» натолкнулась на невозможность из-за круговой поруки установить личное участие членов ячейки в массовом убийстве крестьян [31, с. 168–169].

Процесс нормализации обстановки шел болезненно. На состоявшемся, вероятно, 5 октября 1921 года собрании Ачинской партийной организации даже председатель УИКа Петр Клавдиевич Голиков заявил, что репрессивные меры против Перевалова будут бесполезными. Находившийся там же бывший партизанский вождь Петр Ефимович Щетинкин высказал сомнение в том, что этот человек являлся авантюристом, и выступил за смягчение ему наказания²⁸. После этого состав Ачинского УК, избранный на предшествующей партконференции, был заменен²⁹.

25 октября 1921 года на президиуме Енисейского ГК РКП(б) было заслушано сообщение руководителя губернской чека Роберта Кришьяновича Лепсиса о возникшем в связи с арестами «брожении» среди бывших ачинских партизан, которые решили освободить Перевалова и его товарищей к празднованию Октября. Глава чекистского ведомства доложил и об угрозах выйти из партии, прозвучавших со стороны 97 делегатов Нижне-Ингашской волостной партконференции. Расследуя удушение пятерых жителей одного из селений Канского уезда, чекисты арестовали и привлекли к ответственности председателя ВИКа Василенко и видного в прошлом партизана Тесля (имя и отчество неизвестны). Но местные коммунисты сочли их невиновными. Партийное руководство указало ускорить расследование этих явлений³⁰.

Во время «чистки» соответствующая комиссия проверила в Ачинском уезде (без Назаровского района) 641 партийца. Из них исключили из РКП(б) 140 человек, а некоторые ячейки распустили³¹. Так, 4–5 ноября Ачинский УК РКП(б) принял решение ликвидировать Шарыповскую ячейку, а 8-го – оно было утверждено президиумом ГК партии³². В острых прениях проходила 16 ноября 1921 года V Ачинская уездная партконференция. Принимавший участие в её работе, секретарь ГК Константин Павлович Машкин был вынужден пояснить собравшимся, что Перевалова, сознавшегося «в гнусности своего дела», арестовали не за авантюрное выступление, а за участие в убийстве нескольких десятков невинных людей. Несмотря на это разъяснение, раздалось голоса делегатов, оправдывавших действия этого человека³³.

Не простой являлась политическая обстановка и в других уездных парторганизациях. 8 ноября 1921 года президиуму ГК РКП(б) пришлось разбираться со случаями саботажа минусинских аппаратчиков, которые вскоре были заменены на новых сотрудников. 25 ноября партийное руководство губернии заслушало информацию о Канской уездной партконференции, участники которой не сразу приняли резолюцию, одобрявшую деятельность УК, и оспаривали предлагаемых кандидатов в его члены. Против партийных руководителей были настроены и делегаты Красноярской уездной партконференции³⁴.

«Шарыповское дело» Перевалова слушалось особой сессией ГРТ с 10 по 14 декабря того же года. К суду были привлечены более 50 бывших коммунистов и милиционеров. Однако, принимая во внимание заслуги подсудимых перед советской властью, обстановку борьбы, в которой было совершено преступление, и амнистию по случаю очередной годовщины Октябрьской революции, трибунал приговорил их к незначительному наказанию [31, с. 172]³⁵.

²⁸ ГА НО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 281. Л. 61–62.

²⁹ ГА КК. Ф. П–6. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.

³⁰ Там же. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 115. Л. 58; ГА НО. Ф. Р–1. Оп. 2 а. Д. 22. Л. 3; Ф. П–1. Оп. 1. Д. 271. Л. 95.

³¹ ГА КК. Ф. П–6. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

³² Там же. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 115. Л. 69, 73.

³³ ГА НО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 281. Л. 67–68; ГА КК. Ф. П–6. Оп. 1. Д. 5. Л. 48, 64–65, 67–68.

³⁴ ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 115. Л. 69, 83, 99.

³⁵ Там же. Ф. Р–448. Оп. 2. Д. 256 а. Л. 256–259.

Между тем «партизанский дух» в комячейках Ачинского уезда сохранялся даже в декабре 1921 года, то есть уже после решения судьбы переваловцев³⁶. Более того, на его территории, по сведениям спецслужб, была раскрыта организация, состоявшая из коммунистов – бывших партизан и милиционеров и созданная с целью уничтожения ответственных партийцев и освобождения товарищей, заключенных в тюрьму за самосуды. Такая же группа во главе с неким начальником милиции была выявлена чекистами в Красноярске. Она предполагала после убийства аппаратчиков скрыться в селениях уезда и поднять восстание местных коммунистов [32, с. 77].

Выяснилось, что в Канском уезде от уплаты налога отказались бывшие партизаны из села Рыбинского брата Гусаровы (имя и отчество неизвестны). После их агитации партизанское сообщество заявило, что «без боя хлеб не отдаст», а крестьяне прекратили его подвоз в заготконторы. Для ликвидации беспорядков была направлена выездная сессия ГРТ. Вошедший в село 5 или 6 января 1922 года продовольственный отряд численностью в 50 красноармейцев поступил в распоряжение председателя сессии Полозова (имя и отчество неизвестны), который тут же арестовал Гусаровых и местных должностных лиц. Состоявшееся следом собрание сельских коммунистов высказалось против их задержания и, объявив о привлечении Полозова к партийному суду, заставило его освободить арестованных милиционеров. Приезжий товарищ, информируя власти об отсутствии хлеба у населения, успевшего сбывать его на рынке, запросил для наведения порядка прислать 300 красноармейцев³⁷.

Сессия ГРТ, на заседаниях которой обвиняемых заставляли молчать, привлекла к ответственности 310 крестьян данной волости, в частности 67 членов сельсоветов. Кроме того, по этому же делу чуть меньше людей было осуждено в соседнем районе³⁸. Но, даже находясь в тюрьме, заключенные так и не утратили поддержки со стороны местных коммунистов. Когда в декабре 1923 года последних собрали на казарменный сбор, то они подняли перед властями вопрос об освобождении своих товарищей³⁹.

В начале января 1922 года жители села Есаулово Красноярского уезда, у которых посеы погибли от града, запросили власти о сложении части налога, но получили отказ. Узнав об этом, местная коммунистическая ячейка заявила протест против выплаты его в полном объеме. Но прибывший продотряд уполномоченного Макаренко и инспектора Ситникова (имя и отчество неизвестны) буквально «выколачивал» хлеб из крестьянских хозяйств. Красноармейцы дебоширили, стреляли и всю ночь ходили по селу с песнями. Тогда сельские партийцы организовали сокрытие зерна в одном из крестьянских погребов⁴⁰.

Отказ ГПК сложить налог по 60 крестьянским ходатайствам вызвал озлобление у рядовых партийцев. Состоявшееся 21 января заседание Частоостровского парткома и ячейки потребовало от УК РКП(б) созыва партийной конференции, должной внести коррективы в налоговые операции. Когда же Красноярский УК отказался выполнить требование рядовых коммунистов, то волостные партийные конференции осудили налоговый нажим, а Вознесенская, Есаульская, Частоостровская и Тертежская ячейки выразили недоверие ГК партии. После этого УК разослал волостным органам циркулярное письмо о недопустимости созыва конференций до конца налоговой кампании. Направленные в Больше-Муртинскую волость сессии ГРТ 4 февраля осудили за срыв налогового задания нескольких ответственных лиц, а к «злостным» неплательщикам применили конфискацию имущества.

В Канском уезде коммунисты целыми организациями отказывались заполнять военные анкеты, сдавать налог и даже избивали продовольственных работников. Многие из партийцев, по наблюдению властей, становились ходатаями за сложение налога с

³⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105. Л. 135.

³⁷ ГА НО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 137. Л. 12, 19; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 141. Л. 13, 87; Д. 274. Л. 16.

³⁸ ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 141. Л. 88.

³⁹ ГА НО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 694. Л. 2.

⁴⁰ ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 141. Л. 26-27.

крестьян. 31 января 1922 года 17 протестующих и просителей были исключены из РКП(б). В Ачинском уезде не стала проводить продовольственный двухнедельник Ново-Никольская комячейка. Она тут же подверглась разоружению и роспуску⁴¹.

В то же время в Енисейской губернии были зафиксированы случаи, когда беспартийные крестьяне, участвуя в «чистке» и обсуждении судьбы местных коммунистов, пытались добиться исключения из РКП(б) тех из них, что решительно требовали выполнения продналога. Присутствующие на собраниях упрекали таких партийцев в том, что они не являлись защитниками крестьян. Когда же выяснилось, что данные лица из партии не будут исключены, то беспартийные, заявив, что «им здесь делать нечего», покинули собрание. Положительное влияние на позицию местных коммунистов оказало обнародование в партийно-советской печати итогов того, как прошла «чистка» в уездных городах и Красноярске. В результате, как докладывала губернская проверочная комиссия, члены сельских ячеек «приняли довольно деятельное участие в обсуждении каждой кандидатуры, давались довольно существенные отводы и единогласные исключения» [15, с. 139].

Главными причинами исключения из партии проверочные комиссии называли пассивное поведение, пьянство, карьеризм, шкурничество и «буржуазный» образ жизни, а также уголовные преступления. Почти 96 % «вычищенных» составляли лица, вступившие в партию после того, как она стала правящей, с ярлыком «примазавшихся». Большая часть лиц, не прошедших «чистку», исключалась из партии без указания срока или на время от трех месяцев до полутора лет. Некоторые коммунисты переводились в кандидаты или в так называемую категорию «испытываемых». На 15 января 1922 года в Енисейской губернии были исключены из РКП(б) 637, выбыли из неё 406 и переведены в разряд испытываемых 17 человек. С этого времени и до марта того же года численность коммунистов сократилась с 6160 до 5954, а в уездах – с 5363 до 1642 человек⁴². Согласно официальным данным, «чистка» уменьшила губернскую организацию РКП(б) на 25 % [33, с. 16].

По мнению большинства историков, проведенная «генеральная чистка» РКП(б) являлась чрезвычайной мерой, а результаты её оценивались современными партийцами как положительные. Но исключение из партии лиц, являвшихся интеллигентами и служащими, понизило образовательный и интеллектуальный уровень региональной и местной советско-коммунистической элиты. Во время этой кампании в ней началась перегруппировка сил, должных способствовать «орабочиванию» её рядов [15, с. 146]. Между тем V губернская партконференция (26 февраля – 3 марта 1922 года) показала, что 90 % всех коммунистов так и не заплатили возложенный на них налог⁴³ и выступали в качестве саботажников или иждивенцев.

Находившаяся на конференции делегация минусинских крестьян-коммунистов поддержала своего лидера, заявившего, что «военный метод работы – вот причина всех зол»⁴⁴. Но проявления «военщины» во взимании налога так и не были изжиты. Например, побывавшие в том же селе Есаулово продотрядовцы во главе с уполномоченным Синяковым и начальником Шадриным (имя и отчество неизвестны) оскорбительно относились к населению. После часовой беседы с женой коммуниста, пострадавшего от колчаковщины, они набросились на неё и, угрожая наганами, повели на сборню. Сбежавшиеся посмотреть на женщину, «пострадавшую за правду», крестьянки с бранью включились в этот инцидент⁴⁵.

Переход к нэпу вызвал в первичных организациях РКП(б) «кризис сознания». В марте 1922 года несогласные с её введением коммунисты начали в массовом порядке выходить из РКП(б). Так, например, Тасеевская ячейка лишилась 30 % всех своих членов⁴⁶. На 15

⁴¹ Там же. Л. 26–27, 43, 45, 71; Д. 480. Л. 38; Ф. Р–448. Оп. 1. Д. 62. Л. 14; ГА НО. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 137. Л. 38, 61; Д. 361. Л. 36.

⁴² ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 273. Л. 11, 39, 113.

⁴³ Там же. Д. 257. Л. 21.

⁴⁴ ГА НО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 465. Л. 9.

⁴⁵ ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 141. Л. 126.

⁴⁶ Там же. Д. 141. Л. 132; Д. 273. Л. 117.

мая того же года в Есаульской волости Красноярского уезда из 60 членов ячейки её покинули 48 человек [34, с. 626].

Летом 1922 года стало понятно, что продолжавшиеся налоговые взыскания подрывают основы существования советской власти в деревне. К примеру, из-за голода распалась ячейка в селе Перовское Канского уезда. Члены ячеек и сельсоветы переставали выполнять указания вышестоящих органов или стали относиться к ним безответственно. Так, отказался подавать властям подводы и был арестован на четверо суток сельский руководитель из деревни Донниково Ачинского уезда. Председатель Кулунского сельсовета выпустил на свободу освобожденного, но потерявшего документы «бандита», за что был приговорен к году условных принудительных работ⁴⁷. Налогоплательщики некоторых селений Канского уезда не смогли вовремя выполнить свою повинность. Поэтому взыскания были наложены на 10 председателей ВИКов, 19 – сельсоветов и на 42 их членов, а трое руководителей деревенских органов оказались арестованными⁴⁸.

Следствием таких мер были наблюдаемые, например, в Ачинском уезде «целые вереницы людей, просивших и умолявших со слезами [власти] о выдаче им хлеба». Вследствие того, что судебные сессии за несвоевременную уплату налога «беспощадно» карали местных коммунистов, в одной из волостей остались лишь две ячейки, а большинство их членов «сидело» голодными и не могло заниматься ликвидацией «бандитизма». В этой ситуации голодающие крестьяне расхитили собранный хлеб из хранилищ, например, Юдинского завода. Выявленные органами участники, во главе которых стоял коммунист и председатель местного совета, заявили властям, что, если у них будет отбираться хлеб, то они уйдут в «банду»⁴⁹.

С марта по сентябрь 1922 года в целом по губернии под суд шести–семи выездных сессий были отданы неплательщики и 48 служащих низового звена⁵⁰. За нарушение налоговых законов только в августе аресту подверглись 137 должностных лиц. Начавшаяся новая кампания по избранию советов, например, в Больше-Муртинской и Межовской волостях Красноярского уезда отметилась случаями отказа коммунистов, переживавших разорение своих хозяйств, выдвигаться кандидатами в состав этих органов⁵¹.

Переходя к осуществлению налоговой кампании 1922/23 года, власти Енисейской губернии, вопреки решению центральных органов воздействовать на рынок экономическими методами, продолжали использовать судебные рычаги давления. К примеру, за сокрытие пашни и халатность при выявлении объектов был осужден председатель Ужурского сельсовета Ачинского уезда. Выездная сессия ГРТ рассмотрела дело о массовом сокрытии посева в деревне Спасо-Преображенская Минусинского уезда. Двое инициаторов, в частности руководитель местного совета, были осуждены к конфискации не только спрятанной земли, но и имевшихся в хозяйствах животных и сельскохозяйственных машин. 7–8 сентября за утаивание коровы и посевов к ответственности в форме двойного обложения налогом и восьмимесячного лишения свободы были привлечены председатель Мазанлыкского сельсовета и восемь граждан села Николаевка⁵². Уездный продком наложил на председателей сельсоветов и ВИКов 160 взысканий и привлек к судебной ответственности 80 человек⁵³.

Но даже в такой обстановке во власти находились лица, что отстаивали интересы крестьян. В сентябре 1922 года минусинскому уездному продовольственному комиссару Никитину (имя и отчество неизвестны) поступило заявление Григорьевского ВИКа с просьбой о понижении по уважительным причинам разряда взыскиваемого с крестьянства

⁴⁷ ГА НО. Ф. П–302. Оп. 1. Д. 419. Л. 207; Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 879. Л. 124.

⁴⁸ Там же. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 829. Л. 20.

⁴⁹ ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 274. Л. 158; Д. 299. Л. 19.

⁵⁰ ГА НО. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 543. Л. 15–16.

⁵¹ ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 299. Л. 55, 58.

⁵² Там же. Л. 57; Власть труда (Минусинск). 1922. 20 сентября.

⁵³ ГА НО. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 713. Л. 56.

налога или списания его на 70 %. Из-за недостатков в оформлении документа он не был принят, а вторичное его поступление совпало с появлением телеграммы ГПК, запрещавшей рассмотрение ходатайств от крестьян о снижении разрядов урожайности. Возмущенный этой волокитой, волостной уполномоченный Власов (имя и отчество неизвестны) сообщил минусинским властям об «отчаянном» положении населения, которому грозил голод. «Нет смысла создавать голодные районы», – писал этот служащий, считавший бездеятельность Никитина «позорной». Назревавший конфликт, как информировали 14 декабря 1922 года минусинские продовольственные работники свой губернский орган, был предотвращен только созданием специальной комиссии, сложившей около половины заготовительного задания⁵⁴.

Приказом Енисейского ГИКа от 18 октября 1922 года центр тяжести продовольственных заготовок был перенесен на выполнение задания по хлебу, который в уездах должны были собрать к декабрю. Власти усилили административные взыскания, охватившие не только неплательщиков, но и должностных лиц. Если в целом по губернии в октябре того же года аресту подверглись более 80 членов и девять сельсоветов в полном составе, то в ноябре – уже 348 представителей деревенской власти⁵⁵. Выступая на VI губернской партконференции (1–5 декабря 1922 года) и оценивая пройденный путь, в результате которого были «ликвидированы оппозиционные настроения, склоки и сохранены деревенские ячейки», ответственный секретарь ГК РКП(б) Александр Сергеевич Гендлин признал, что «нажим на выполнение продналога 1921–1922 года привел парторганизацию к болезненному состоянию» [29, с. 90]. С начала этой налоговой кампании и на 13 января 1923 года продовольственными и судебными органами были арестованы 725, из них осуждены 10 и подвергнуты административным взысканиям 88 должностных лиц⁵⁶.

Происходившие события заставили власти провести в 1922–1923 годах Всероссийскую перепись коммунистов, а затем и обмен партийных билетов. Осуществляя их, Енисейская губернская организация РКП(б) пережила отток партийных сил. Перепись не прошел 481 кандидат в члены, или 19 – 20 % от общего их числа. С января и до середины лета 1923 года из партии по причине обремененности семьей и хозяйством, слабого здоровья и механически вышли 118 человек, в том числе 94 крестьянина. Вследствие отрицательного отношения к деятельности партийного руководства со стороны бывших партизан только в одном Канском уезде от членства в партии отказались 300 кандидатов [35, с. 5, 12, 81]⁵⁷. Кроме того, за преступления по должности, шкурничество, дезертирство, нарушение партдисциплины, пьянство и религиозные убеждения были исключены, по разным данным, от 118 до 137 коммунистов, из них более 70 человек были крестьянами [35, с. 83]⁵⁸. В результате, если к V губернской партконференции (февраль–март 1922 года) в регионе насчитывались 8259, то к VII (сентябрь–октябрь 1923 года) – только 5021 коммунист. При этом резко упала численность партийцев-крестьян, составлявших к декабрю 1922 года 3641 и к сентябрю 1923 года – лишь 2852 человека, а также их удельный вес в парторганизации – с 64,5 до 56,8 % [35, с. 90]⁵⁹.

Однако деревенские коммунисты и сельсоветчики продолжали сопротивляться проводимой фискальной политике. В июле 1923 года за «бездеятельность и халатное отношение к выявлению объектов налогового обложения» были привлечены к судебной ответственности и осуждены на один–два месяца принудительных работ все председатели сельсоветов Имисской волости Минусинского уезда⁶⁰. Аресту сроком на несколько суток за непредставление списков крестьянских хозяйств и сведений о посевах были

⁵⁴ Там же. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 1011. Л. 131–133.

⁵⁵ Там же. Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 713. Л. 96, 105.

⁵⁶ ГА КК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 516. Л. 15.

⁵⁷ Там же. Д. 440. Л. 3, 41; Д. 516. Л. 165; Ф. Р–49. Оп. 1. Д. 96. Ч. 1. Л. 339.

⁵⁸ Там же. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 440. Л. 42; Д. 618. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Д. 440. Л. 45–46.

⁶⁰ Власть труда. 1923. 29 июня, 13, 29 июля; ГА НО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 699. Л. 472.

подвергнуты председатели Иудинского и Усть-Фыркальского ВИКов, секретари Восточенского, Кочергинского, Кужебарского, Лугавского, Усинского и Шалаболинского ВИКов, а также агроном Бейского района⁶¹.

Данная налоговая кампания проходила одновременно с обострением внутрипартийных разногласий в РКП(б), возникших со становлением номенклатурной системы и бюрократизацией аппарата. Осенью 1923 года в стране развернулась новая дискуссия по вопросам партийной и экономической политики, где главную роль играл Л. Д. Троцкий, выдвинувший программу «Нового курса». Состоявшийся 5 декабря того же года пленум Енисейского ГК РКП(б) закончился принятием резолюции, которая осудила поведение оппозиционеров, выступивших против сталинского большинства в ЦК. Но на местах дискуссия показала отсутствие единства во взглядах рядовых партийцев. Они принимали резолюции, в которых, наряду с требованиями партийной дисциплины, утверждалась необходимость выборности и свободы обсуждений. В Минусинске собрание 150 коммунистов-чоновцев, объявив «врагами партии» 12–15 уездных руководителей, постановило ходатайствовать перед ЦК РКП(б) об упразднении их с работы и сняло эту резолюцию лишь после длительных разъяснений. Инициаторы склоки были отозваны из Минусинска и привлечены к партийной ответственности. Прошедшие в Енисейске собрания также выявили коммунистов-оппозиционеров, но в основном местные партийцы согласились с «линией» партийного большинства.

На состоявшейся 16–18 января 1924 года XIII конференции РКП(б), которая подвела итоги внутрипартийной дискуссии и осудила Троцкого за противопоставление рабочих и интеллигенции, был взят курс на рост пролетарского ядра партии. Между тем в Енисейской губернии оппозиционеры с целью налаживания связей с единомышленниками и подбора сторонников направили ряд активистов в Минусинск и Канск. Собравшийся 14 апреля 1924 года пленум Енисейского ГК и губернской контрольной комиссии (КК) РКП(б) исключил пятерых вожаков местной оппозиции из партии и еще двоим – объявил строгий выговор. Вследствие этих действий прозвучавшие на VIII губернской партконференции отчеты руководства вызвали прения, но в целом деятельность ГК получила положительную оценку [36, с. 425 – 427].

При этом отношение низового партийно-советского звена к налоговой политике оставалось сложным. Летом 1924 года массовая утайка посевов и скота, происходившая по решению сельской общественности и по инициативе советских служащих, повторилась. Так, созданный 19 июня членом сельсовета М. Ермаковым (имя и отчество неизвестны) сход жителей деревни Новгородская Канского уезда проголосовал за сокрытие части посевов. С прибытием финансового инспектора была создана комиссия, которая выявила у жителей утаенные 127 десятин и 38 животных. Выехавшая на место сессия губернского суда рассмотрела дело 53 граждан, так и не признавших свою вину. Объявленные прокурором «врагами советской власти», девять «руководителей» этого саботажа раскаялись лишь в последнем слове. 4 сентября суд приговорил Ермакова и более 40 крестьян к двум и менее годам условного заключения⁶².

С участием всех жителей происходило сокрытие объектов и в селениях Бузуново, Сорокино, Ново-Покровка и Креславка Минусинского уезда. Против выявления объектов выступал сельский совет в деревне Ново-Троицкая. В целом по Ачинскому, Канскому, Минусинскому и Красноярскому уездам к осени 1924 года за саботаж налогового обложения к уголовной ответственности были привлечены 28 лиц сельской администрации⁶³. Попытка «открытого сопротивления» выявлению имела место в деревне Уты Хакасского уезда. Виновные в ней председатель и секретарь сельсовета были отданы под суд. Сорвав работу комиссии по выявлению, секретарь Усть-Бирьского сельсовета Китаев (имя и отчество неизвестны) послал в районный исполком (РИК)

⁶¹ Власть труда. 1923. 15, 26 августа.

⁶² Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 30 августа, 24 сентября.

⁶³ Там же. 30 августа.

сведения о наличии в деревне объектов, которые там были признаны далекими от полноты⁶⁴.

Уход из жизни Владимира Ильича Ленина вызвал массовый приток новых членов в РКП(б). Ленинский призыв в партию в Енисейской губернии составил 1994 лица⁶⁵. Вследствие выросшего приема Енисейская губернская организация РКП(б) в 1924 году увеличилась на 30 %⁶⁶. Однако нахождение в партии, отнимая время от занятий по хозяйству, часто было несовместимо с натурой крестьянина. Численность коммунистов на селе сокращалась и составляла на 1 января 1924 года 3113, на 1 апреля – 2730, на 1 ноября – 2488 и на 1 января 1925 года – 2378 человек. Удельный вес коммунистов-крестьян упал и к 1925 году исчислялся в 36,1 %⁶⁷.

Начавшиеся в августе 1924 года перевыборы сельсоветов и РИКов были встречены крестьянством с большим равнодушием, но выявили важную проблему, стоявшую перед РКП(б). Большинство деревенских коммунистов были людьми бедными. Однако рядом с ними были лица, нажившие хозяйство. И те, и другие не всегда могли влиять на жизнь деревни и горячо спорили о правомерности обогащения. Вместе с тем крестьянский мир все чаще становился на сторону крепкого хозяйственного мужика. Поэтому в советские органы стали избираться партийцы, совсем не бедные по деревенским меркам. Так, председателем Абаканского сельсовета в Минусинском уезде избрали коммуниста К. И. Трофимова, имевшего рабочих лошадей, коров, бороны и пр. В Кортуже председательство было доверено бывшему кустарю, «эксплуататору» бедноты и коммунисту Храпунову (имя и отчество неизвестны). Собравшиеся на Абаканский районный съезд советов делегаты представляли не только беспартийную бедноту, но больше – середнячество⁶⁸.

С особым накалом страстей проходила борьба за кооперацию, показавшая не лучшие качества коммунистов. Ноябрьский 1924 года съезд уполномоченных потребительского общества села Белоярского Абаканской волости закончился выдвижением в правление партийцев, которых крестьяне считали «дебоширами, пьяницами и ворами». В декабре того же года местные крестьяне обратились с письмом к И. В. Сталину, в котором жаловались на поведение коммунистов. С прибытием следственной комиссии новое собрание пайщиков 15 января 1925 года избрало в правление кандидата в члены РКП(б) и двух беспартийных. Оно осудило поведение членов райкома (РК) и рекомендовало коммунистам привлечь к партийной ответственности лиц, виновных в этом конфликте⁶⁹.

Объявленная осенью 1924 года политика «лицом к деревне» предполагала «чистку» низового актива, «перевоспитание» лиц ленинского набора и наращивание численности деревенских коммунистов. Проведенные на ноябрь 1924 года проверки 3693 служащих, в частности в Красноярском, Ачинском и Канском уездах, оставили за бортом учреждений 498 человек, объявленных «чуждыми»⁷⁰. Но в декабре 1924 – феврале 1925 года в рядах губернской организации РКП(б) были оформлены 93, а в апреле–июне – 250 крестьян⁷¹. Численность данной категории коммунистов стала расти и составляла к апрелю 1925 года 2397 и к июлю 2666 человек, или 36,8 % от наличия всей парторганизации. Осуществленный в декабре 1924 – апреле 1925 года прием 610 человек способствовал тому, что партийные силы в регионе с апреля по июнь 1925 года увеличились с 6,8 до 7,4 тысячи человек⁷².

Прошедшие весной 1925 года перевыборы советов привели к власти на селе середняков и способствовали «оживлению» деятельности органов. Но многие деревенские

⁶⁴ ГА КК.Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 91, 107; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 110; ГКУ РХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 25, 30.

⁶⁵ ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 606. Л. 35.

⁶⁶ ГА НО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 42. Л. 36; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 21.

⁶⁷ ГА НО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 42. Л. 36; Оп. 6. Д. 28. Л. 9; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 21; Д. 621. Л. 13; Д. 666. Л. 9.

⁶⁸ ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 181. Л. 132–133, 163, 289–291, 298, 302.

⁶⁹ ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 868. Л. 27, 31–32; ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 181. Л. 241; Д. 523. Л. 150; Д. 524. Л. 2; Д. 688. Л. 16.

⁷⁰ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 130. Л. 182.

⁷¹ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 21.

⁷² Там же. Л. 77; Д. 906. Л. 1.

коммунисты и сельсоветчики, захваченные врасплох новой политикой, «растерялись» и, не отрешившись от методов командования, не стали проводниками её в жизнь⁷³.

В то же время среди сельского актива по-прежнему находились лица, сопротивлявшиеся выплате налога. Так, в марте 1925 года от проведения судебного приговора о взыскании денег с неплательщика путем осуществления описи его имущества уклонился Курагинский сельсовет⁷⁴. Летом того же года, несмотря на то, что население созданного Хакасского округа высказывало удовлетворение начислением налога, объем которого на 48 % оказался меньше прошлогоднего, укрывательство скота хакасами носило поголовный характер. Советские служащие коренной национальности с большим нежеланием воспринимали необходимость выявления его у своих сородичей. К примеру, на время осуществления этой кампании весь состав Усть-Камыштинского сельсовета убыл из селения. Назначенные для её выполнения в Аскизском районе уполномоченные приступили к выявлению объектов с задержками. Но оно выявило множество утаенного скота и показало, что его сокрытие не могло существовать без участия местного руководства. Только в одном селе База были обнаружены не учтенные животные в количестве тысячи голов. К судебной ответственности были привлечены председатели Сыдинского, Каратузского и Усть-Камыштинского сельсоветов в Минусинском и Хакасском округах [37, с. 169].

Между тем, следуя решению XIV конференции РКП(б) (27–29 апреля 1925 года) об усилении приема в РКП(б) крестьян, только Канская окружная парторганизация с июля по октябрь этого года пополнилась 700 членами и кандидатами, в том числе 308 крестьянами и 235 из них – принятыми «от сохи». В деревнях стали возникать группы активистов, которые просили зачислить их в коммунисты⁷⁵. Но большинство лиц, принятых в партию, было политически неграмотным. Прошедшая в ноябре 1925 года I Минусинская окружная партконференция выявила, что из 400 деревенских коммунистов такими оказались 283 человека. Часть коммунистов стремилась командовать населением, другая же – не хотела повышать свой политический уровень и участвовать в общественной жизни села⁷⁶.

С целью повышения авторитета правящей партии среди крестьянства упомянутой Всесоюзной партконференцией было решено провести частичную проверку деревенских партийных организаций, названную одним из авторов «чисткой», способствующей созданию «новой партии Сталина» [38, с. 259]. Начавшаяся после II Сибирской краевой партийной конференции (ноябрь–декабрь 1925 года) она сначала охватила на Енисее лишь пять ячеек Хакасского округа и фактически свелась к выяснению уровня политической грамотности коммунистов [17, с. 69–70].

Сменивший политику «лицом к деревне» и воцарившийся в ней хаос становился все более опасным для правящей партии. Объявленный на XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 года) поворот на построение социализма в отдельно взятой стране требовал поиска новых материальных ресурсов и изменения аграрной политики. «Социальная революция нуждалась ... в закабаленном мужике», – пророчествовали эмигрантские интеллектуалы [39, с. 42]. Одновременно съезд поручил партийным организациям вести решительную борьбу со всякими попытками подрыва единства партии.

Последовавшее затем наступление государства на деревню охватило все сферы крестьянской жизни и сказалось, в частности, на выборах в советы. Накануне их перевыборной кампании на июльском 1926 года пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) было принято решение о мерах, должных сохранить контроль партии над этими органами. Несмотря на то, что кандидатуры бедняков не поддерживались даже некоторыми енисейскими коммунистами и комсомольцами, перевыборы в результате начавшейся самоорганизации

⁷³ Там же. Д. 663. Л. 6, 9.

⁷⁴ Там же. Д. 859. Л. 68.

⁷⁵ Там же. Д. 856. Л. 136; Д. 860. Л. 112–113.

⁷⁶ ГА НО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 6. Л. 46–47, 53–54, 60.

бедняцких слоев, получивших государственную поддержку, прошли в пользу их представительства.

Наряду с организацией выборов, в партийных организациях продолжался поиск оппозиционеров. Лицами с такими настроениями были, к примеру, названы коммунисты, выступавшие в сентябре 1926 г. на районном партсобрании в селе Перово Красноярского округа. Троцкистом считался властями секретарь Ирбейского РК ВКП(б) Канского округа Харламов⁷⁷. К тому же в советские органы, случалось, избирались крестьяне, которые защищали «кулаков», агитировали население за уменьшение налогового обложения и проводили его с большим сокрытием. За такую деятельность осенью 1926 года, например, в Ачинском округе судебному преследованию были подвергнуты представитель районного руководства, пять председателей, девять членов сельсоветов и 25 представителей учетных комиссий. В деревне Ново-Успенка Канского округа за сокрытие, в котором участвовало все население, судебную ответственность власти возложили на организатора. С выявлением утаенных посевов у восьми крестьян деревни Шумиха исключению из партии подвергся местный коммунист. За укрытие налоговых объектов только в этом округе были возбуждены 1224 дела и от должностей отстранены 14 председателей сельсоветов.

Сокрытие посевов, например, в Абаканском районе Минусинского округа проходило при участии членов РИКа Суворова и Порошина (имя и отчество неизвестны), обвиняемых затем в дискредитации власти. Не доверяя больше коммерческому закупу хлеба, окружной исполком (ОИК) 25 ноября 1926 года послал для усиления заготовок шестерых уполномоченных. Они выяснили, что, например, в селе Покровское ни один член сельсовета до их приезда не сдал продукты для уплаты налога, а в Бейском районе органы при его взимании покровительствовали зажиточным крестьянам. Некоторые сельсоветы Курагинского района подавали в РИК неверные сведения о том, что неплательщиками остались лишь бедняки. В действительности же, как докладывали проверяющие лица, уплату налога в селе задерживало «кулачество» [37, с. 171–173]⁷⁸.

Учитывая такое состояние местных властей, партийные органы с одобрения бюро Сибирского краевого комитета (КК) ВКП(б), заседавшего 16 ноября 1926 года, продолжили и осуществили основную часть проверки деревенских коммунистов. Так, за период с 9 декабря 1926 по 21 января 1927 года в Минусинском округе были обследованы пять ячеек общей численностью в 43 члена и кандидата в члены ВКП(б). В ходе кампании было установлено, что с 1920 года численность партийцев в основном сокращалась. Констатировав наличие беспартийного актива, проверочная комиссия объяснила выявленную тенденцию отсутствием целенаправленной работы по его вовлечению в партию. Она пришла к выводу о том, что ячейки и РК партии не уделяли «достаточного внимания борьбе с болезненными явлениями». Наиболее распространенными проступками оказались пьянство, нарушения партийной дисциплины и коммунистической этики. Единицы были признаны «чуждым элементом», уличены в исполнении религиозных обрядов и хозяйственном обрастании. В результате из лиц, подвергнутых проверке, успешно прошли её только 17 членов и кандидатов в члены партии, а трое были признаны механически выбывшими. Остальные подверглись различного рода взысканиям: 12 человек получили выговоры, семеро были исключены из ВКП(б) и двое «поставлены на вид». Несмотря на выявленные недостатки, Сибирская краевая КК сочла проверенные ячейки способными руководить общественными и культурными делами в деревне. Исключение крестьян из ВКП(б) применялось только в крайнем случае и не оказало влияния на численность парторганизаций. По мнению историков, задачей проверки являлась общая оценка деятельности ячеек и выработка конкретных рекомендаций по устранению выявленных недостатков [17, с. 70–72].

⁷⁷ Там же. Д. 752. Л. 117; Д.1786. Л. 292.

⁷⁸ Там же. Д. 2093. Л. 225; Д. 2112. Л. 51.

В дальнейшем принятые партийно-государственным руководством меры включали в себя начавшееся лишение крестьян членства в ВКП(б). Из-за оторванности от партии проводимую в январе 1927 года Всесоюзную партийную перепись в Минусинском и Ачинском округах не прошел 271 человек, или 7,8 % от численности парторганизаций. В Красноярском округе окружная КК за год, с ноября 1926 года, исключила из партии 180 членов и кандидатов, подвергла взысканиям 20,9 % всех сельских коммунистов. Кроме того, покинули партию механически 158 человек, или 2,9 % от общей численности окружной организации⁷⁹.

Весной–летом 1927 года выяснилось, что в ряде районов Минусинского округа коммунистические ячейки прекратили заниматься местными делами. К примеру, Иудинская ячейка не собиралась 2,5 месяца. Некоторые из них стали проводить мероприятия, направленные в ущерб интересам бедноты. Так, на сходе жителей села Шушенского коммунисты выступили против наделения её лучшей землей, находившейся вблизи селения. Организуя выселки, Уджейская ячейка для их заселения создала несколько групп, состоявших из бедняков, но не включила в их состав середняков. Недовольное этим середнячество вытеснило бедноту и оставило за собой лучшие территории. Вследствие того, что коммунисты проигнорировали контроль за землеустройством и распределением кредитов, часть выделенных государством денежных средств на создание машинного фонда «пошла» не по назначению: в четырех деревнях Абаканского района их получила не беднота, а некие «машинные тройки»⁸⁰.

За неимением грамотных коммунистов делопроизводителем в Больше-Улуйском РИКе Ачинского округа служил по происхождению казак, который покушался на жизнь известного в прошлом партизана и в общественном месте избил жену бывшего секретаря РК партии⁸¹. Летом 1927 года в селениях Коряково, Смоленка, Усть-Погромная, Смоленка и Даурское Красноярского округа обнаружили 306 десятин пашни, в сокрытии которой участвовали и коммунисты. Вследствие пассивности уполномоченных и членов ячеек объявленное трехдневное добровольное выявление налоговых объектов в Уярском районе не принесло результатов и вызвало только недовольство крестьян⁸².

Проявляемые коммунистами недисциплинированность, оппозиционность и пьянство наказывались. Так, только в Минусинском округе с октября 1926 по июль 1927 года к партийной ответственности привлекли 50 человек, в том числе половину – за пьянство и 20 % – за уголовные преступления⁸³. Наказание местных руководителей и рядовых коммунистов обрело черты регулярного и масштабного мероприятия. Ему подвергались прежде всего лица, чье поведение было несовместимо с членством в партии. Таким, к примеру, был коммунист Турчанинов (имя и отчество неизвестны) из села Березовка Минусинского округа, который, имея более тысячи пудов хлебного запаса, 10 голов скота, молотилку, жнейку и триер, не выполнил налогово-кооперативные требования и участия в деятельности ячейки не принимал. Членства в партии был лишен и коммунист с 1920 года из Табатской ячейки Прилуцкий (имя и отчество неизвестны), который за отсутствием времени отказывался посещать партийные собрания. Вероятно, исключен был из ВКП(б) и секретарь Лугавской комячейки, использовавший труд батрака⁸⁴.

Начиная с лета 1927 года в ответ на внешнеполитические осложнения государством стали реализовываться меры по «укреплению обороны». Новый курс на концентрацию денежных ресурсов и перераспределение их в первую очередь на нужды ускоренной индустриализации и военного перевооружения исключали возможность существования автономных местных бюджетов [40, с. 84]. Возвращение к содержанию местных властей

⁷⁹ Там же. Д. 688. Л. 371, 374; Д. 1786. Л. 5; Д. 2025. Л. 67, 71; Д. 2050. Л. 504; Д. 2094. Л. 75; Д. 2106. Л. 44; Д. 2108. Л. 28, 37; Д. 2112. Л. 49.

⁸⁰ ГА КК. Ф. П–60. Оп. 1. Д. 544. Л. 12–13, 28.

⁸¹ Там же. Ф. П–59. Оп. 1. Д. 327. Л. 66.

⁸² ГА НО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2050. Л. 208.

⁸³ ГА КК. Ф. П–60. Оп. 1. Д. 544. Л. 32.

⁸⁴ Там же. Д. 612. Л. 15; Ф. П–1. Оп. 1. Д. 635. Л. 2.

за счет населения еще более осложняло их отношения, а снижение уровня лояльного восприятия крестьянами государственных начинаний порождало трудности преобразований.

Выявлению политического облика коммунистических организаций на Енисее способствовала развернувшаяся накануне XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 года) общепартийная дискуссия. Она была инициирована троцкистско-зиновьевской оппозицией, которая выдвинула собственную программу индустриализации. Обсуждение охватило не только коммунистов, но и, например, в Минусинском округе беспартийные массы. В 35 деревенских ячейках состоялось более 40 собраний, участниками которых стали 420 коммунистов, или 65,6 % всего состава организаций, а также 729 бедняков. Выступления некоторых из них, например, в Идринском, Каратузском, Ермаковском и Минусинском районах носили оппозиционный характер. Настроения подобного рода в деревне Большой Телек выражал председатель сельсовета и коммунист Мишин, а в селе Ново-Покровское – беспартийные председатель и секретарь сельсовета Зевакин и Давыдов (имя и отчество неизвестны). Но заметного распространения поддержка оппозиции не получила: за программу ЦК ВКП(б) в Минусинском округе по одним данным проголосовали 1089 лиц, присутствовавших на собраниях, при пяти воздержавшихся, а по другим – 1270 партийцев. Лишь пятеро воздержались, а семеро были за тезисы оппозиции [41, с. 59–61]⁸⁵.

В ноябре 1927 года в Ачинском округе были выявлены только 11 деревенских коммунистов, в том числе трое крестьян, что поддержали «левый уклон» в партии. Так, на Ужурской районной партконференции имели место выступления двух оппозиционеров, а на Боготольской – участники осудили заявление пропагандиста Шиляева о том, что «социализм в пьяной деревне не построить». В селе Даурское коммунист с 1924 года дважды защищал тезисы оппозиции в вопросе о темпах наступления на «кулака». Подобные же настроения выражали в Казачинском и Уярском районах член партии Попов, секретарь ячейки и коммунист с 1921 года Леонтьев (имя и отчество неизвестны)⁸⁶. Но оппозицию в Красноярском округе поддержали только 0,3 % всех коммунистов [41, с. 58]. Дискуссия еще раз показала низкую политическую зрелость деревенских коммунистов.

Слабую активность проявляли местные партийцы и на хлебозаготовках. Так, заготовительные задания в октябре 1927 года в восьми селениях Ачинского и Канского округов были приняты лишь вторичными собраниями⁸⁷. Поэтому некоторые коммунисты за отказ от выполнения директив, за нераспорядительность, неумение и нежелание организовать в помощь себе бедноту подверглись взысканиям. В Минусинском округе были объявлены выговоры председателям Алексеевского и Знаменского сельсоветов. В январе 1928 года к партийной и советской ответственности были привлечены 12 уполномоченных – коммунистов, оказавшихся неспособными разъяснить крестьянам необходимость самообложения. За «халатное отношение» к нему в Идринском районе суду подвергся председатель сельсовета Балиевский, а член РИКа и коммунист Мошкин был наказан выговором. С работы был снят и отдан по суду председатель Бейского РИКа, выговор получил руководитель Каратузского исполкома. За невыполнение распоряжений только по Минусинскому району к ответственности по советской линии были привлечены 82 работника советского и кооперативного аппарата, в частности 14 председателей кооперативов, 28 председателей и членов сельсоветов, а сняты с работы – 12 человек⁸⁸.

К февралю 1928 года целый ряд комячеек этого округа оказались, по мнению проверяющих, «мертвыми»: их члены осуждали финансовый нажим государства в сфере продовольственных заготовок. Какая-то часть партийцев, посчитав проведение партийно-

⁸⁵ ГА НО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2106. Л. 364, 373, 376.

⁸⁶ Там же. Д. 1786. Л. 342; Д. 2050. Л. 473; Д. 2113. Л. 266.

⁸⁷ Там же. Д. 1797. Л. 4.

⁸⁸ ГАКК. Ф. П–60. Оп. 1. Д. 614. Л. 9.

советских директив в области хлебозаготовок, самообложения и займа «чрезвычайной трудностью», подверглась панике и начала критиковать распоряжения парткомов. В ячейках Идринского района их члены заговорили о возможных крестьянских восстаниях. Во время голосования за самообложение коммунисты в селе Никольском покинули бедняцкое собрание. Страхом перед мужиками в связи с объявлением о сокращении сроков уплаты налога и страховки были охвачены коммунисты в селе Шошино. Против самообложения высказались семеро их товарищей в селе Тесь. Выступая на собрании жителей села Городок и встретив сопротивление «кулаков», уполномоченный РИКа так и не получил поддержки со стороны местных активистов. Настроенные против проводимых мероприятий, секретарь ячейки в Курагинском районе Поздняков и член Листвяговской ячейки Галюк (имя и отчество неизвестны) заявляли о своей готовности сдать партийные билеты. Выступив против самообложения, сорвал данную кампанию в селе Биря секретарь ячейки Гурков. Антисоветская агитация прозвучала на собрании пайщиков в речи председателя Абаканского общества потребителей Школина (имя и отчество неизвестны)⁸⁹.

Не справлялись с поставленными задачами не только сельские руководители, но и командированные районные уполномоченные и ответственные работники. Провальными оказались действия по организации крестьянского самообложения и займа в 20 деревнях. Побывав в нескольких селениях и столкнувшись с трудностями, сорвали кампанию самообложения секретари Идринского и Бейского РК ВКП(б) Бухаркин и Ефремов (имя и отчество неизвестны)⁹⁰.

Охватившее рядовых коммунистов отчаяние прорвалось в обращении С. Ф. Подсумкина (имя и отчество неизвестны). Явившись 10 февраля 1928 года к секретарю Курагинского РК ВКП(б) и обвиняя в сложившейся обстановке партийное руководство, бывший бедняк из деревни Курганчики и член партии с 1920 года, выпускник школы партпросвещения и председатель Шалаболинского кредитного товарищества, делился переживаемым: «Вы здесь сидите в РК и не видите, что делается в деревне, ... сейчас достаточно кому-либо начать и деревня пойдет против Советской власти. Нас завтра перебьют... Наша партия переродилась, мы проводим линию оппозиции, мы нажимаем не только на кулака, но и [на] бедняка... Мы самообложение проводим не добровольно, а насильно... У мужика хлеб плохой..., а тут выжимают последнее... Мы сейчас выколачиваем хлеб, а где его возьмем весной. Останемся без посева... Снимите меня с работы...». Судя по объяснению присутствующих, после длительного разговора местному «пособнику Пилсудского⁹¹» доказали ошибочность его взглядов. Несмотря на написанное Подсумкиным объяснение, в котором он отказался от сказанного и признал «линию» партии правильной, ему все же пришлось расстаться с нею. На 20 февраля того же года за противодействие партийным директивам в Минусинском округе исключили из ВКП(б) пятерых членов и семерых кандидатов⁹².

Потерпев поражение, объединенная оппозиция пополнила сибирскую ссылку. «Зиновьевцев» «целыми пачками» стали привозить, например, в Енисейск. Обнаруженные в этом же качестве, видные советские служащие вычищались из местных учреждений. Так в том же Енисейске 16 марта 1928 года покинул партию и был снят с должности директора коммунального треста Г. Н. Пронюшкин (имя и отчество неизвестны), «стяжавший славу» по части сломки домов на дрова и кирпичи [42, с. 437].

Вопреки этим мерам, уже в мае 1928 года «боевое» настроение коммунистов в некоторых районах Минусинского округа сменилось «демобилизационным». Назначенные партийные конференции в Минусинском и Курагинском районах не состоялись из-за неявки делегатов. Коммунисты, проявляя боязнь при голосовании о

⁸⁹ Там же. Д. 612. Л. 2–5.

⁹⁰ Там же. Л. 7–8.

⁹¹ Пилсудский Ю. К. (1867 – 1935) – польский военный, государственный и политический деятель, первый глава возрождённого Польского государства, основатель польской армии, маршал Польши.

⁹² ГАКК. Ф. П–60. Оп. 1. Д. 612. Л. 19–20.

новых хлебозаготовках, уходили с собраний, а сельское руководство спешило продать хлеб на рынке⁹³.

Осуществляемая осенью 1928 года кампания по выборам советских органов начиналась с усиления сельсоветами состава избирательных комиссий путем ввода в него активистов из бедноты. Но некоторые из сельсоветов противились этому ухищрению, предложенному районными властями. Так было, к примеру, в селе Соколово Канского округа, где сельсовет предоставлял зажиточным крестьянам льготы. Против лишения избирательных прав «антисоветских элементов» выступали и некоторые избиркомы. Несмотря на индивидуальное обложение налогом бывшего офицера и 19 «кулаков», члены такой комиссии в селе Ашкаул того же округа не нашли причин лишать их голоса. В деревне Ильинка Ачинского округа в гражданских правах был восстановлен «кулак», предоставлявший бесплатно бедноте сельскохозяйственные машины. Мало-Тупинский избирком Красноярского округа отказался санкционировать лишение голоса относительно своих односельчан.

Как отмечали власти, при организации выборов целому ряду районов Минусинского округа была присуща «нерешительность» актива. На собраниях коммунисты говорили и затем ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах лиц, объявленных «кулаками». Отстаивая права известного новомихайловского «кулака», комсомолец заявил: «Если таких людей, как Адобаш (имя и отчество неизвестны), будем лишать голоса, тогда мы должны лишать голоса всю деревню». В селениях Верхняя Буланка, Сыда и Пустынь коммунисты доказывали отсутствие «кулаков», моторская ячейка сочла бедняком крестьянина, который имел двух лошадей, столько же коров и овчинную мастерскую, где использовалась наемная рабочая сила⁹⁴.

С применением репрессий против местных коммунистов, которые не поддерживали «линию» партии, проходили хлебозаготовки 1928/29 года. Так, в Курагинском районе коммунистка из середняков, защищавшая на суде «кулака», не сдавшего свой хлеб, и заявившая, что он «хороший человек», была исключена из рядов партии. Такая же участь постигла секретаря Листвяговской ячейки, когда во время хлебозаготовок все граждане села заявили об отсутствии у них продовольственных излишков⁹⁵. В декабре 1928 года некоторые сельсоветы вновь выступили против самообложения крестьян. К примеру, в селе Лугавском его члены инициировали определение уровня самообложения лишь с согласия жителей. Власти Минусинского округа за «халатность и нерасторопность» привлекли к дисциплинарной и уголовной ответственности 32 председателей и членов сельсоветов, 27 их секретарей, двух председателей РИКов и столько же их членов⁹⁶. Но уже в январе 1929 года окружные власти обвиняли коммунистов Каратузского района в отсутствии «решительного» наступления на «кулаков». Например, в селе Верхняя Буланка они на своем собрании доказывали проверяющим, что в их селении зажиточное население отсутствовало, а исключенного из партии «кулака» Тильгу (имя и отчество неизвестны) пытались освободить от индивидуального обложения и восстановить в избирательных правах⁹⁷.

Во время хлебозаготовок за поддержку «кулачества» и отход от партии в Канском округе были исключены из её рядов свыше 80 человек⁹⁸. Состоявшаяся 15–22 декабря 1928 года IV окружная конференция ВКП(б) констатировала сокращение удельного веса в парторганизации рабочих и наличие в ней одиночек, выступавших на стороне троцкизма и «правого уклона». Находились целые ячейки, которые, заявляя об отсутствии «кулаков» в селениях, брали их под свою защиту. В ряде мест Рождественского и Тасеевского районов зажиточное население не было подведено под индивидуальное обложение. Проверки

⁹³ Там же. Д. 614. Л. 2; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 635. Л. 1–2.

⁹⁴ МКУ «АГМ». Ф. Р-369. Оп. 1. Д. 35. Л. 285, 299; ГА НО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 618. Л. 1; Оп. 5. Д. 72. Л. 152–154.

⁹⁵ ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 638. Л. 30.

⁹⁶ Там же. П-60. Оп. 1. Д. 614. Л. 66, 68.

⁹⁷ Там же. Д. 873. Л. 30.

⁹⁸ ГА НО. Ф. П-2. Оп. 5 а. Д. 41. Л. 24.

деятельности Агинского, Ирбейского и Рыбинского РК показали «неправильную линию», занятую коммунистами во время хлебозаготовок. Их секретари были сняты с работы и подвергнуты партийным взысканиям.

Политическая жизнь данного округа характеризовалась ростом привлечения коммунистов к различного рода ответственности. Вследствие разложения и проявления протестных настроений численность наказанных партийцев за девять месяцев 1926 года исчислялась в 180, за восемь 1927 – в 312 и за одиннадцать 1928 – в 483 человека. Заметным было очищение окружной парторганизации от «старых» коммунистов. Но даже при усилении исключения из партии численность коммунистов в 1927–1928 годах возросла с 2557 до 3393, то есть на 836 человек. Более половины принятых в партию составляли крестьяне, но удельный вес их в окружной парторганизации уменьшился до 47,2 %.

Причинами роста партийной ответственности стали более жесткий подход вышестоящих органов к членам партии, занятым на хлебозаготовках, «чистка» оппозиционеров, а также борьба с нарушениями партийной дисциплины, с поступками, связанными со служебной деятельностью, проявлениями пьянства, половой распущенности, религиозности, связи с «чуждыми элементами» и пр. Состояние окружной парторганизации не исключало наличие «склок, подсиживания и сведения личных счетов». Предложение Сибирской КК и окружного комитета (ОК) ВКП(б) об изучении связей коммунистов с «чуждыми элементами» было встречено партийными организациями «затянувшимся молчанием». Однако проходившая дискуссия засвидетельствовала политическое единство окружной парторганизации. При наличии в её деятельности «слабых мест» она считалась «здоровой»⁹⁹.

«Слабым местом» в работе окружных парторганизаций продолжало быть выполнение хлебозаготовительного задания. Получив его на 1929/30 год, крестьянство в массовом порядке начало укрывать объекты налогового обложения и отказываться от принятия планов. К апрелю 1929 года общие собрания жителей десяти сел Ачинского округа заявили, что «хлеба нет, весь вывезли». В селе Вагино голосовать за принятие плана отказались местные коммунисты. Абрамовская ячейка заявила, что при вывозе из села запланированного объема хлеба, она снимет с себя ответственность за посевную. Против принятия «контрольной цифры» выступили коммунисты Михеев и Кузнецов (имя и отчество неизвестны) из селений Коробейниково и Городок. Бывший партиец Лопатин (имя и отчество неизвестны) на сходе в селе Чернышево доказывал крестьянам, что невыполнение ошибочного плана заготовок не будет наказываться репрессиями. На таком же собрании в деревне Тарасовка председатель сельсовета заявил: «У нас нет излишков, ... даю расписку и ручаюсь за всех ... Беднота может хоть какие цифры давать, мы все равно выполнять не будем»¹⁰⁰.

Сознавая нереальность предложенного к выполнению заготовительного задания, объезжавший сельсоветы председатель Минусинского УИКа Петр Яковлевич Гордиенко [43, с. 160–161] на заседании одного из них предложил снизить показатель урожайности, что затем повлекло уменьшение объемов сдачи хлеба «кулацкими» хозяйствами. Несмотря на покаянное письмо этого коммуниста с 1917 года и в прошлом члена Центросибири, он был освобожден от председательской должности, выведен из состава пленума и бюро ОК ВКП(б) [44, с. 166–167]¹⁰¹.

В этой обстановке власти стали широко практиковать новый метод хлебозаготовок, получивший название «урало-сибирского». Он заключал в себе установление плановых заданий селам и раскладку сельского плана по отдельным дворам. Зажиточные крестьяне были обязаны продавать хлеб государству по твердой цене, а саботажники наказывались

⁹⁹ Там же. Л. 24, 42–44.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 13, 22.

¹⁰¹ В дальнейшем Гордиенко был возвращен в советско-коммунистическую номенклатуру, награжден орденом Трудового Красного Знамени, служил в Западно-Сибирском крайкоме партии и крайисполкоме, но в 1937–1938 гг. оказался репрессированным (Подробнее см.: Папков С. А. Руководящие кадры Сибири 1919–1941 гг.: Спр. Новосибирск: Академиздат, 2021. С. 160–161).

осуждением по статьям УК РСФСР. Все больше советы переходили под власть бывшей бедноты, настроенной против «кулачества», и становились частью государственно-партийного аппарата.

Но даже при этой системе в советах оказывались лица, которых власть относила к «оппозиционерам». Например, в Минусинске кустарь Тузов (имя и отчество неизвестны), заявив, что «большинство населения составляют домовладельцы и кустари, и именно их, а не рабочих, надо выдвигать в совет», был поддержан «неорганизованным» населением и стал депутатом. На III окружном съезде советов (1–5 апреля 1929 года) он с возмущением говорил о выполнении плана хлебозаготовок путем «ограбления народа» и причисления к «кулачеству» середняков, а также о надвигавшемся товарном голоде. Выступление «Туз Тузовича», неоднократно прерываемое, было названо из президиума «программой классового врага» и «воплем мещанина» [45, с. 66]¹⁰².

Местные власти и коммунистические ячейки продолжали заявлять об отсутствии на селе «кулаков», а некоторые из них организовывали их активную защиту. Так, 9 апреля по инициативе трех членов сельсовета в деревне Средне-Березовка Ачинского округа собрались 50 женщин, которые затем, ворвавшись в помещение, сорвали торги «кулацкого» имущества. В селении Светлолобово Красноярского округа один из членов сельсовета подговорил 60 женщин протестовать против описи хозяйства зажиточного крестьянина¹⁰³.

Сами активисты, занимаясь, например, конфискацией обнаруженного у «кулаков» хлеба, порой высказывали сомнения в справедливости своих деяний. Так, в мае того же года в деревне Старая Сокса Ачинского округа члены сельсовета при перевозке изъятого хлеба у «злостного» саботажника в общественный амбар возбуждали собравшихся крестьян таким разговором: «Имеем ли мы право брать хлеб из чужих амбаров? Разве мы излишки берем? – Мы грабим». Там же председатель сельсовета говорил крестьянам: «Храните хлеб, в особенности продуктовый, не сдавайте его» [46, с. 917]¹⁰⁴.

Такое поведение активистов зачастую объяснялось партийным руководством влиянием «правого уклона», с которым в округах начиналась борьба. Местные коммунисты были проинформированы о содержании программных положений «правооппортунистической группы» Бухарина (Николая Ивановича – А.Ш.), деятельность которой подверглась осуждению на XVI Всесоюзной партконференции (апрель 1929 года). Согласно её резолюции о проведении «генеральной чистки», в мае того же года пленум Красноярского ОК и ОКК ВКП(б) принял постановление, в котором отмечалось, что «решение конференции дает решительный отпор правому уклону и примиренчеству с ним как главной опасности ... и окончательно разоблачает мелкобуржуазную сущность этого уклона». Следом Хакасский ОК ВКП(б) призвал коммунистов вести решительную борьбу с «правым уклоном» [41, с. 64].

Проявление политической оппозиционности и сопротивление местных сельсоветчиков и коммунистов обернулось «генеральной чисткой» советских органов и партийных организаций, начавшейся по решению XVI партконференции. В ходе её в качестве главного критерия оценки деятельности члена ВКП(б) провозглашалась способность проводить партийную «линию» в борьбе с различного рода «уклонами». Данная «чистка» оказалась самой масштабной, охватившей общество в целом, и носила открыто классовый характер.

Прежде всего «чистке» на Енисее подвергли лиц, непосредственно проводивших политику ВКП(б) и советского государства в деревне и, в частности, «силового» ведомства. Первыми к очищению приступили в Красноярском округе, где в мае 1929 года была создана специальная комиссия. Созванные ею собрания рабочих, начиная с 10 июня, заслушали 412 проверяемых сотрудников окружного административного отдела (ОАО),

¹⁰² ГА НО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 617. Л. 23, 88, 138.

¹⁰³ Там же. Ф. П-2. Оп. 5 а. Д. 49. Л. 37.

¹⁰⁴ МКУ «АГМ». Ф. Р-369. Оп. 1. Д. 60. Л. 39.

то есть милиции. Данные мероприятия закончились взысканиями для 48 человек, из них 28 – были «вычищены»¹⁰⁵. С 10 августа по 25 сентября осуществлялась «чистка» ОАО и его исправительно-трудоустроительного подотдела (ИТД) в Минусинском округе. Она охватила 83 сотрудников ОАО и 55 – ИТД. За бюрократизм, связь с «кулаками», растраты, непригодность к работе, вредительство и пьянство были уволены 15 и выговор получили девять проверяемых. 2 сентября – 3 октября состоялась проверка состава Ачинского ОАО, которую прошли 135 сотрудников. Из них «вычищенными» по тем же причинам оказались 17 человек. Позднее других округов, 23 декабря, этой процедуре был подвергнут ОАО в Хакасии. При проверке 34 человек двое были уволены¹⁰⁶.

Осенью 1929 года возникшие трудности хлебозаготовительной кампании вновь стимулировали репрессии против местного советского руководства. Так, к середине октября к суду были привлечены 16 ответственных работников Каратузского района, а трое – сняты с должности. В судебном порядке наказанию подверглись 16 председателей и членов сельсоветов¹⁰⁷.

Основная опасность окружными властями усматривалась в деятельности «правых оппозиционеров». В ноябре 1929 года за сочувствие к их «уклону» по решению Красноярского ОК ряды ВКП(б) оставили 49 человек. «Чистка» охватила 1456 деревенских коммунистов. Из партии были исключены 186 человек, в том числе более 30 троцкистов и «правых». В Канском округе партию покинули 222, в частности Тасеевскую районную парторганизацию – 20 человек. Но здесь большинство исключенных являлись лицами, защищавшими себя от незаконного налогового обложения, или же конфликтовавшими с властью и названные «оппозиционерами» на почве личной неприязни. Так, в том же Тасеевском районе был снят с работы и исключен из кандидатов в партию секретарь Хандальского сельсовета М. Попков (имя и отчество неизвестны), который выгнал с собрания группу бедняков и середняков, поддерживавших «кулацкую» позицию. Но, как выяснилось, сам он происходил из зажиточной семьи и был лишен избирательного права. Борьба за власть явилась причиной превращения представителя прежнего партийного руководства этого района А. Ячевского (имя и отчество неизвестны) в «правого уклониста». После разбирательства в РК он с данным ярлыком был изгнан из партии [41, с. 64, 67, 69, 73].

Исключение из партии не сопровождалось уменьшением численности партийных организаций. Напротив, на октябрь 1929 года по сравнению с январем 1926 года она, например, в Ачинском округе увеличилась с 1782 до 2820, в Минусинском – с 1214 до 2035 и в Хакасском – с 415 до 1227 человек. Из карьерных и прочих соображений в партию потянулась молодежь. Однако удельный вес коммунистов-крестьян упал в первом из них с 51,5 до 41,0 %, во втором – с 58,1 до 52,3 % и в последнем – с 35,7 до 31,3 %. При этом незначительной оставалась доля коммунистов-колхозников, исчислявшаяся в данных округах от 7,3 до 15,7 % [47, с. 81].

Начавшееся с конца 1929 года «раскулачивание» дало множество поводов разглядеть истинное лицо некоторых коммунистов и очистить от них парторганизации. Заседавшая 6–7 января 1930 года сессия Минусинской окружной КК ВКП(б) за «неправильные методы» руководства и «отсутствие коллегиальности» в работе вынесла выговор члену большевистской партии с 1918 года, за использование «кулацкого» имущества, служебного положения и общественных средств для личного обогащения исключила из партии председателя районного комитета крестьянской взаимопомощи (ККОВ) К. П. Косарева и консультанта РК ВЛКСМ К. В. Заворова¹⁰⁸. Не выполнившее директивы Минусинского партийного руководства об «оздоровлении» организации и переводе района на сплошную коллективизацию, бюро Абаканского РК ВКП(б) было распущено, а

¹⁰⁵ ГА НО. Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 35. Л. 101, 353.

¹⁰⁶ Там же. Д. 34. Л. 87, 344, 374.

¹⁰⁷ ГА КК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 873. Л. 63.

¹⁰⁸ Там же. Д. 1014. Л. 40, 45–46.

весь актив подвергся снятию с работы¹⁰⁹. В феврале 1930 года за «искривление классовой линии» по трудовым делам и лояльное применение к «кулакам» мер социальной защиты были полностью сняты с работы сотрудники Минусинского окружного суда¹¹⁰.

Но и бывшие в селе представители властных органов оказывались не на высоте поставленных перед ними задач. Стало известно, что член ОК партии Полетаев (имя и отчество неизвестны) отказался выступить обвинителем в суде над «кулаками» Курагинского района. Секретарь Белоярской комсомольской ячейки и член ОК ВЛКСМ Акшеев, попав в семью высланного «кулака», покинул организацию. Командированные в Абаканский и Каратузский районы уполномоченные, мотивируя свои решения ненастьем, давали крестьянам пяти–десятидневную отсрочку в сдаче хлеба. Комиссия, созданная в селе Абаканском по содействию хлебозаготовкам, медлила с описанием «кулацких» хозяйств. Аналогичные события происходили еще в восьми селениях округа.

На местах ячейки вновь проявляли стремление защищать своих односельчан от зачисления их в «кулаки». Больше-Идринская ячейка, к примеру, выявила семерых, а вторично – уже 20 «кулаков». Некоторые коммунисты, вернувшись в РК, уверяли его руководство в отсутствии «кулаков» в селах Идринского района. Но посланные вновь уполномоченные находили в каждом из них по 10 – 12 таких лиц. В селе Дмитриевка Бейского района сельсоветчики обнаружили двух, а уполномоченный с помощью актива – еще 13 «кулацких» хозяйств. Коммунисты села Ново-Михайловского, находившиеся в родстве с «кулаками», выдали лишь троих, тогда как при проверке их оказалось 28. В деревне Пустынь, вопреки уверениям ячейки об отсутствии зажиточных сельчан, на бедняцком собрании их обнаружили в количестве четырех человек.

Коммунисты, случалось, искажали политику властей. Начавшееся самообложение в селе Усинском ими было организовано с недобором для «кулаков» и с чрезмерностью для бедноты. 6–7 января 1930 года выездная сессия окружной КК обнаружила наличие «правого уклона» в Бейской районной парторганизации: снятый с работы председатель РИКа Вебер (имя и отчество неизвестны) при составлении хлебофуражного баланса занижал показатели урожайности, что не было встречено отпором со стороны партактива. «Правая оппозиция» среди членов партии, выражавшаяся в сравнительно небольшом обложении «кулаков», восстановлении их в избирательных правах, была выявлена в Абаканском районе. В целом по округу «правые» оказались членами 56 ячеек, а в 47 – коммунисты выступали в защиту «кулаков».

Так, к примеру, против лишения прав «кулака» был председатель избиркома села Биря и коммунист Чернов (здесь и далее: имя и отчество неизвестны). Зажиточное население защищали секретарь Салбинской ячейки Масляков, двое её членов и четверо коммунистов Больше-Кнышевской ячейки. Руководитель Тесинской ячейки Ивасенко и его товарищи доказывали уполномоченному, что нажим на «кулаков» являлся преждевременным. В Моноке коммунист Байкалов содействовал в восстановлении «кулаков» в избирательных правах. В их защиту выступали в селе Малая Минуса уполномоченный Потылицын, в селе Тесь кандидат в члены ВКП(б) Авоськина, в селе Паначево коммунист Седенков. Председатель Дубенского сельсовета и секретарь ячейки Зварыгина содействовала призыву «лишенца» в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА) и настояла на самообложении бедноты. Руководители советов в селениях Большой и Малый Телек Белоусов и Новиков помогали мельнику в укрытии гарнцевого сбора. Будучи несогласными с отношением к «кулакам», члены трех ячеек Бейского района отказались участвовать в хлебозаготовках. Коммунисты Олейников, Тестов, Рудов и Иконников выступали против их осуществления, укрывали скот и посевы.

«Чистка» более двух третей Минусинской окружной парторганизации проходила с обсуждением облика её членов на собраниях, участниками которых были и беспартийные активисты. Так, при проверке Ново-Вознесенской ячейки собрались трое коммунистов,

¹⁰⁹ Там же. Л. 75.

¹¹⁰ ГА НО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 114. Л. 60.

шестеро комсомольцев и 216 беспартийных, а в селе Имисское из 343 присутствовавших около половины составляли женщины. При таком составе проверявших кампания обрела элементы «крикливости» и «показухи». Собравшиеся яростно обвиняли коммунистов в зажиме критики, круговой поруке, склоках и связях с «чуждыми элементами». Из 2101 члена и 557 кандидатов эту проверку прошли 1406 человек, большинство которых являлись крестьянами.

«Вычищались» явные или потенциальные противники провозглашенной «генеральной линии», что служило своеобразным предупреждением тем лицам, которых кампания не коснулась. Окружную парторганизацию покинули, по одним данным, 245 человек, или 17,4 % её состава, и 249 – получили выговоры. Согласно же другим сведениям, исключению были подвергнуты 317, а выговорам – 334 человека. С ответственной работы были сняты 14 и по деревенским ячейкам – 11 членов партии. Только в одном Идринском районе за связь с «кулачеством», сокрытие хлеба и разложение были исключены из ВКП(б) 11 и наложены партвызыскания на 29 человек. Случалось, что беспартийные лица использовали данное мероприятие во враждебных для коммунистов целях. Так, в селе Сабинка они, настояв на разборе деятельности членов партии, пытались обличить секретаря ячейки Бакуменко (имя и отчество неизвестны), уличавшего товарищей в связях с «кулаками». В результате этой «чистки» численность коммунистов-крестьян в Минусинском округе на апрель 1930 года против 1 января 1929 года уменьшилась с 1064 до 942 человек, а их доля в парторганизации – с 52,2 до 45,8 %¹¹¹.

«Оздоровлению» партийных сил способствовало проводимое весной 1930 года переизбрание членов бюро, секретарей коммунистических ячеек и РК ВКП(б). В том же Минусинском округе были избраны 255 членов бюро ячеек (ранее их насчитывалось 170), 108 (86) их секретарей, 48 (40) членов бюро РК. В результате по всем категориям партийного руководства произошло уменьшение представительства крестьянства¹¹². Налицо имело место недоверие партийцев к своим товарищам, вышедшим из этой категории населения.

Множество требований населения разобраться с местными специалистами накопилось во властных органах Ачинского округа. Бедняки села Даурского, например, доносили на агрономов Захарова и Кучко (здесь и далее: имя и отчество неизвестны), что те якобы халатно относились к своим обязанностям и неверно определяли качество земли. Согласно их жалобе, врач Макошин – «бюрократ и вредитель», в пьяном виде делал лошадям уколы, от которых погибло до 100 животных. Грубым отношением к крестьянам и пьянством характеризовался ветфельдшер Козлов, а председатель сельскохозяйственного товарищества Сергеев обвинялся в отказе предоставлять бедноте, которая не имела пая, кредиты из специального фонда.

«Чистку» подобных лиц проводила общественность, организованная властями в отряды «легкой кавалерии» и «смотровые комиссии». На помощь им из городов были присланы рабочие бригады. Данная кампания приобрела широкие масштабы и только в одном Балахтинском районе вовлекла в себя 400 человек молодежи, 700 бедняков и колхозников, столько же женщин, а также 2190 участников общих собраний. Вся эта масса людей с одобрения партийно-советского руководства активно критиковала работу окружного и районных земельных органов, выявляла факты бюрократизма и «искривления классовой линии». В результате произошел, согласно отчету окружной КК, «полный разгром» сельской интеллигенции¹¹³.

Массовый характер приобрела проводившаяся с 15 января 1930 года «чистка» Красноярского окружного земельного управления (ОЗУ), в котором трудился коллектив лишь на 18,2 % состоявший из коммунистов. В то же время среди сотрудников находились 77 «чуждых элементов». В «чистке» приняли участие 16 тысяч человек,

¹¹¹ ГА КК. Ф. П–60. Оп. 1. Д. 1012. Л. 64, 69, 71–72; Д. 1019. Л. 144–145, 148, 151, 154.

¹¹² Там же. Д. 1012. Л. 341, 345, 348, 350.

¹¹³ ГА НО. Ф. Р–288. Оп. 4. Д. 35. Л. 84–85.

задавших проверяемым 1825 вопросов и выслушавших выступления 2347 заинтересованных лиц. За бюрократизм и волокиту, халатное отношение к служебным обязанностям, склоки, грубое и невнимательное отношение к трудящимся, несоответствие и растраты, пьянство, искривление классовой линии, чуждость и привлечение к уголовной ответственности взысканиям подвергли 271 человека, или 18,6 % всего состава. Из них 194 лица были сняты с работы.

На смену подобным кадрам за три месяца специальные курсы в Красноярске прошли 160 выдвиженцев. С 25 января 1930 года открылась подготовка на двухмесячных курсах секретарей сельсоветов. Обучение на них должны были получить более 700 человек¹¹⁴.

Очищение низового советского аппарата продолжалось. К примеру, в марте 1930 года оно имело место в Сухобузимском районе Красноярского округа. Беднота, организованная в бригады по смотру работы и активно участвовавшая в собраниях, обследовала деятельность восьми сельсоветов, четырех ККОВ, кооперативных учреждений и «вычистила» 20 человек из 74 проверяемых лиц. Одним из них явился председатель Атамановского сельсовета, который на собраниях защищал «кулаков» и отказывался вступать в колхоз. С работы был снят руководитель такого же органа в деревне Толстомысовка, что выдавал крестьянам документы для бегства из селения. Однако в селе Погорельское проверяющие натолкнулись на «круговую поруку»: жители решились на защиту своего сельсовета. Проверя учреждения Енисейского, Пировского и Больше-Муртинского районов, активисты «вычистили» 16 сотрудников, а за срыв лесозаготовок к переизбранию предложили весь состав Хмелевского сельсовета. Решая провести в Аскизском и Боградском районах Хакасского округа сплошную коллективизацию, власти организовали перевыборы местных сельсоветов¹¹⁵.

Оценивая результаты этого этапа «чистки», бюро Сибирского КК ВКП(б) в постановлении от 5 апреля 1930 года «Об итогах проверки и чистки Сибпарторганизации» констатировало улучшение социального состава партийной организации, в том числе и деревенской её части, повышение ее авторитета и боеспособности [47, с. 96].

С марта 1930 года в связи с известной статьей И. В. Сталина и постановлением ЦК началось исправление «извращений», допущенных при «раскулачивании». Уполномоченные и члены сельсоветов из числа коммунистов, виновные в мародерстве и перегибах, были привлечены к судебной или партийной ответственности. Постановлением бюро КК партии от 9 апреля 1930 года от должности был отстранен член РСДРП(б) с 1914 года и секретарь Канского ОК Иван Кузьмич Глухов [43, с. 148–149]¹¹⁶. Однако не все коммунисты соглашались с оценкой своих действий, прозвучавшей в сталинской статье.

Во время коллективизации власти внимательно наблюдали за поведением коммунистов и при необходимости привлекали их к партийной ответственности. Больше всего исключали коммунистов-крестьян. Основными причинами наказания служили пьянство, связь с «чуждыми элементами», нарушение партдисциплины, растраты и хищения, нетоварищеские отношения, хозяйственное «обрастание» и спекуляция. Но находились члены партии, что расставались с нею и с должностью за отказ вступать в коллективные хозяйства. По этой причине, к примеру, был исключен из ВКП(б) некий Чекарь (имя и отчество неизвестны) из села Нижний Суэтук Ермаковского района, который даже после соответствующего решения РК так и не стал членом колхоза. Переизбранию подвергся председатель Нижне-Буланкского сельсовета в Каратузском районе, который заявил, что вступлением в колхоз не хотел бы терять авторитет у жителей. В результате к маю 1930

¹¹⁴ Там же. Л. 102–104.

¹¹⁵ Там же. Л. 630–631, 633.

¹¹⁶ В дальнейшем работал помощником управляющего по кадрам треста «Кузбасстрой», окончил Институт Красной профессуры при ЦИК СССР, служил на разных должностях в Оренбургском ОК ВКП(б), в 1938 г. арестовывался, но был освобожден. Затем находился на преподавательской, партийной и хозяйственной работе. Кандидат философских наук, награжден орденом Ленина. Умер в 1962 г.

года в Минусинском округе только в 53 колхозах из 173 созданных оформились организации ВКП(б)¹¹⁷.

Контролируя ситуацию в Хакасском округе, краевое партийное руководство перекладывало вину за слабое развитие сельского хозяйства на местную организацию. Несмотря на смену ответственных лиц, многие коммунисты в этом регионе не поддерживали масштабы и методы «раскулачивания». Борьба между назначенными руководителями, их окружением и оппозиционерами развернулась на 5-й окружной партконференции (май 1930 года). Делегаты Чарковской районной парторганизации потребовали включения в повестку дня заслушивание своего содоклада, а когда конференция отклонила их демарш, то попытались создать некий «блок» и угрожали своей коллективной отставкой. «Фракционеры» выступили с обвинением ОК партии в ущербной для животноводства деятельности и создании колхозов, близких к «неминуемому развалу». Но конференция, назвав «линию», проводимую «старым» составом бюро ошибочной, призвала коммунистов к борьбе с «уклонами и примиренчеством» [48, с. 10–12]. Критикуя ситуацию, сложившуюся в деревне в результате начавшейся коллективизации, и не видя перспектив для развития этноса в условиях округа, некоторые хакасы, изгнанные из партии с ярлыком «правых», вернулись вновь к идее создания Тюркской республики [49].

Невзирая на столь сложное время, переживаемое Сибирью, среди её партийных функционеров, случались попытки смены руководства [50], наблюдаемые не только на самом верху. К осени 1930 года склоки в активе имелись, к примеру, в Чебаковском районе Хакасского округа. За бесхозяйственность и халатность Рыбинский РК ВКП(б) в Канском округе распустил правления местных Колхозсоюза и Живмолсоюза, но их работники подали жалобу в деревенский отдел ЦК ВКП(б). 28 ноября состоялось заседание РК и районной КК партии, которое, сочтя этот поступок «беспринципной групповщиной и противопоставлением районному руководству», утвердило ранее вынесенное постановление¹¹⁸.

Лица, олицетворившие советскую власть в деревне, не всегда поддерживали государственную политику. Например, уполномоченный Ачинского РИКа одноименного округа в селе Березовка продлил «кулакам» сроки выполнения «твердого задания». Наблюдая такое отношение, население прекратило подвоз зерна в заготконтору. На 13 декабря в Итатском районе Ачинского округа, по мнению властей, только трое из 29 председателей сельсоветов соответствовали своему назначению. Некоторые из них агитировали против коллективизации и сдачи хлеба¹¹⁹. Состоявшееся 23 января 1931 года при Западно-Сибирском КК ВКП(б) совещание уполномоченных по коллективизации отмечало наличие в районах Ачинского округа и Хакасии сельсоветов, состоявших из бедняков-«подкулачников» и даже бывших белых дружинников, которые выступали против мероприятий советской власти. Бедняцкие собрания, как правило, единодушно голосовали за выселение «кулаков». Но в одном из селений из 125 присутствовавших крестьян 25 заявили себя не только противниками этой акции, но и организации колхоза¹²⁰. В таких случаях власти проводили замену местного руководства. Так, в той же Хакасии с января по июнь 1931 года сменились 64 % всех председателей и 89 % секретарей сельсоветов. Но чаще власти подменяли их присланными уполномоченными¹²¹.

С мая 1931 года начала проводиться новая массовая экспроприация «кулачества». Однако, как выяснилось, её одобрили не все местные активисты. Так, некие коммунист и комсомолец защищали «кулаков» в селе Усть-Кандырла Хакасской автономной области. В Таштыпском районе комсомолец помог бежать «кулачке», подлежащей ссылке. От

¹¹⁷ ГА КК. Ф. П–60. Оп. 1. Д. 873. Л. 6; Д. 1012. Л. 62, 68–69, 72; Д. 1014. Л. 159.

¹¹⁸ ГА НО. Ф. П–3. Оп. 3. Д. 96. Л. 50, 57.

¹¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 144, 150; Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 144. Л. 177.

¹²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 184. Л. 31–32.

¹²¹ ГКУ РХ «НА». Ф. П–2. Оп. 1. Д. 53. Л. 3.

выселения односельчан отказался Карагайский сельсовет. Созданные ОК ВКП(б) и направленные в селения районные «пятерки», например, в Аскизском и Чебаковском районах за бездеятельность «раскулачили» несколько сельсоветов и отправили их членов на лесозаготовки. В Абазе, где при сельсовете была обнаружена группа из 10–12 человек во главе с бывшим офицером и «кулаком-лишенцем», собрание воздержалось голосовать за выселение. Выехавшие в рабочий поселок районные руководители проделали разъяснительную работу, а бюро РК партии сделало относительно некоторых партийцев организационные выводы¹²².

Находясь под угрозой применения к ним репрессий или найдя новую общность в колхозах, местные управленцы и партийцы прекращали свое сопротивление проводимой государством политике. Но, как и ранее в годы революции и гражданской войны, некоторые из них становились участниками внутриведомственной борьбы и доносительства. К примеру, в мае 1931 года секретарь Ужурского РК ВКП(б) Макаров (имя и отчество неизвестны) в письме, адресованном одному из партийных руководителей Западно-Сибирского края (ЗСК) Леониду Андреевичу Папердэ (Карлу Рудольфовичу Мишке), сообщал о недостатках в работе председателя РИКа, заведующего районного ЗУ, директора Учумского совхоза, его заместителя и настаивал на их замене. Назревший конфликт между председателем Каратузского РИКа Иванисовым и секретарем РК ВКП(б) Ляпушкиным (имя и отчество неизвестны) в сентябре того же года разрешился тем, что закрытое заседание РК и районной КК партии освободило первого из них от должности. Тогда Иванисов написал донос в адрес первого секретаря Западно-Сибирского КК ВКП(б) Роберта Индриковича Эйхе о том, что местный партийный руководитель посылал на места неверную политическую установку, запрещавшую изымать у крестьян весь имевшийся хлеб¹²³.

Тревожа оценивая ситуацию, июньский (1931 года) пленум ЦК ВКП(б) поставил перед партийной организацией ЗСК задачу «в основном завершить сплошную коллективизацию в настоящем году и во всяком случае не позднее весны 1932 г.». Закрытое письмо «О завершении коллективизации» было разослано всем РК партии¹²⁴. Последовавшие затем требования центральных и региональных властей по укреплению созданных колхозов и выполнению хозяйственных задач, случалось, наталкивались на пассивное отношение со стороны некоторых районных партийных руководителей и управленцев. В сентябре 1931 года выговоры за «бездействие» на маслозаготовках, «зажим самокритики и замазывание ошибок» получили бюро Боготольского и Березовского РК ВКП(б). За «не обеспечение большевистских темпов» хлебозаготовок в октябре было распущено бюро Идринского РК, а в Назаровском районе его наказали вынесением выговора¹²⁵.

Вопреки предпринимаемым мерам, на местах все еще обнаруживались лица, облеченные властью, но не выполнявшие её поручения. Так, в ноябре 1931 года отказался работать уполномоченным по хлебозаготовкам секретарь Каратузского РИКа и кандидат в члены ВКП(б) Бочкарев. Назначенные на ту же должность, партийцы Виноградов и Никулин бежали в районный центр¹²⁶.

Проверкой, осуществленной в конце того же года двух коммун, действовавших в Ачинском районе, было установлено, что одна из них отказалась выполнять план хлебозаготовок. Её председатель, коммунист Корованский, отчитываясь перед властями, всячески преуменьшал наличие имевшегося в хозяйстве зерна. Выяснилась царившая в коммуне «полная» бесхозяйственность, гибель и хищение хлебов. По итогам проверки бюро местной комячейки было распущено, а её секретарь и председатель коммуны подверглись переизбранию. В другой коммуне проверяющих встретило массовое сопротивление: её председатель Заноха, члены ячейки и рядовые коммунары заявили об

¹²² ГА НО. Ф. П–3. Оп. 2. Д. 241. Л. 57, 61, 63.

¹²³ Там же. Д. 235. Л. 231–232; Д. 240. Л. 205, 207, 241.

¹²⁴ Там же. Д. 234. Л. 1.

¹²⁵ Там же. Д. 274. Л. 302–303.

¹²⁶ Там же. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 167. Л. 83.

отсутствии в хозяйстве хлеба и нереальности выдвигаемых планов заготовок зерна, сена и картофеля. С трудом комиссия добилась роспуска бюро ячейки, переизбрания её секретаря и председателя коммуны¹²⁷.

К январю 1932 года в партийных организациях этого района была обнаружена некая «марксистская группа», имевшая якобы свою политическую программу¹²⁸. Вновь осуществляемая «чистка» охватила многие учреждения. Обнаруженные в них вредители, лжеспециалисты, бюрократы и лица, «искривлявшие классовую линию», были уволены и даже арестованы¹²⁹.

Между тем случалось, что партийные руководители и создатели колхозного строя, сталкиваясь с жесткой действительностью, стремились облегчить задания своему району, хозяйствам и пускались на обман государства. Так, 16 ноября 1932 года уполномоченный ОГПУ докладывал своему руководству о том, что при утверждении плана хлебозаготовок коммунисты и председатели целого ряда колхозов и сельсоветов Абаканского и частично Идринского районов (Гурков, Лопаев, Никифорова, Новоселов, Фалько и др.) пытались скрыть полученную урожайность и настаивали на снижении задания, доведенного властями до их хозяйств. Мнение районного руководства о его размещении по колхозам не было единым. Председатель РИКа Пономарев, предчувствуя сложную посевную, отстаивал перед краевыми органами необходимость уменьшения объема сдаваемого хлеба. Секретарь РК партии Черкасов, сказываясь больным, постоянно отсутствовал на заседаниях актива, обсуждавшего этот вопрос, но, вернувшись с пленума КК и собрав закрытое заседание бюро, стал отстаивать доведение до колхозов дополнительного объема заготовок хлеба. Председатель районной КК Полуниин поддерживал то одно, то другое мнение. Некоторые из присутствовавших на пленуме РК ВКП(б) советских и колхозных руководителей открыто выступали против поставок государству намеченного количества зерна. Реагируя на эту склоку в районных верхах, колхозники приостановили его сдачу и перешли к сортировке семян¹³⁰.

Несмотря на завершение коллективизации, власти во время хлебозаготовок продолжали выявлять и репрессировать единоличные «кулацкие» хозяйства. На состоявшемся 10 марта 1933 года заседании президиума исполкома ЗСК отмечалось, что в таких районах, как Абаканский и Каратузский, не было обнаружено ни одного «кулака». Краевому финансовому управлению было предложено, обратив внимание на «спекуляцию», обследовать крестьянские хозяйства в названных местностях, а советским органам развернуть работу по до выявлению «кулаков»¹³¹. Наряду с решением этой задачи, деятельность партийных органов была сосредоточена на проверке колхозных счетоводов, завхозов и кладовщиков. Но кое-где очищение колхозов обернулось массовым исключением из них «добросовестных» работников¹³².

«Чистка» советско-партийных и хозяйственных организаций закончилась только в 1934 году. Накануне создания Красноярского края в районах ЗСК, отошедших к новому административно-территориальному образованию, её прошли многие партийцы, а десятки – лишились членства в партии. Поэтому, если на 1 июля 1934 года здесь насчитывалось 11,4, то на 1 января 1935 – лишь 10,5 тысячи коммунистов. Уменьшились численность и доля в партийной организации коммунистов-крестьян, а количество колхозников в ней исчислялось в 2,1 тысячи человек¹³³.

¹²⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 240. Л. 291–293.

¹²⁸ Там же. Д. 272. Л. 89.

¹²⁹ В целом по ЗСК «вычищению» подверглись четыре тысячи учреждений, увольнению, а в некоторых случаях и аресту – 10 тысяч человек, или 9–10 % от их состава (ГА НО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 273. Д. 273. Л. 114).

¹³⁰ ГА НО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 10–15.

¹³¹ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1889. Л. 18.

¹³² К январю 1934 г. данная «чистка» охватила 74,2 % от всех колхозов ЗСК. Её прошли 23,3 тыс. человек, из них были сняты с работы 6,5 тыс., или 25,8 % проверенных, в т. ч. 1,1 тыс. человек подверглись судебной ответственности, а более 1 тыс. – исключению из колхозных коллективов (ГА НО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 405. Л. 181).

¹³³ ГА КК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Д. 7. Л. 1, 4.

Будучи в масштабах страны методом борьбы с инакомыслием, «чистка» на местах зачастую становилась одним из способов сведения личных счетов. Закончившись формированием административно-командной системы, она, по предположению историков, явилась «прелюдией» «большого террора» [51, с. 7]. В ходе «чистки» создавался образ идеального советского чиновника, который должен был неукоснительно следовать директивам партии и правительства. Но проходившее затем массовое выдвижение новых кадров не всегда приносило желаемые и положительные плоды.

Следовательно, проводившаяся во времена нэпа большевистская политика централизации управления способствовала созданию «партийного государства». Составной частью этого процесса являлось увеличение и единение рядов коммунистических организаций и советского актива. Вместе с тем присущий партийно-советскому руководству поиск путей развития крестьянской страны состоял из противоречивых и «судорожных» движений разной политической направленности. Он сопровождался стойким и острым противоборством в верхних эшелонах политической элиты, переходившим затем на регионы. Соответственно с государственной политикой в деревне менялась опора и облик советской власти. На местах её сначала и недолгое время составляли бывшие партизаны, затем лица, часто недеревенского происхождения и назначаемые сверху, следом за ними во власть на селе пришли представители середнячества и, наконец, – крестьянской бедноты. Коммунистические организации енисейских округов, повторяя общую тенденцию, к концу 1920-х годов так и не стали едиными ни организационно, ни идеологически. Более того, партийно-советские «низы» нередко переходили к сложным отношениям между собой, а порой и с вышестоящими органами.

Вследствие низкой политической грамотности сельского актива сторонников партийных оппозиционных «уклонов» на Енисее было сравнительно немного. В сущности объявленная борьба с ними в провинции смотрелась как поиск, выявление и прекращение партийным руководством карьеры коммунистов, проявлявших свободомыслие. Но какая-то часть коммунистов и сельсоветчиков, сохранивших свою крестьянскую ментальность, активно сопротивлялась государственному насилию и защищала от него своих односельчан. Осуществляемые по инициативе центральных властей, «чистки» коммунистических ячеек и советских органов устранили лиц «чуждого» происхождения, морально разложившихся, а также тех, что оказались неспособными проводить антикрестьянскую политику. Во время массовой коллективизации в силу применения государством политических репрессий уровень сопротивления партийно-советских «низов» упал, он приобрел новые формы и более скрытый характер.

Скорее всего, происходившие с участием или по инициативе деревенских коммунистов и сельсоветчиков протестные и конфликтные события в деревне не были проявлением «классовой борьбы» или «гражданской войны». Однако они, вызывая пристальное внимание руководства, придавали крестьянскому протесту большую осмысленность и политическую окраску. Терроризируя деревню и формируя преданную ей номенклатуру, власть вскоре перешла к полной ликвидации явных и мнимых политических противников.

Библиографический список

1. Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы, 1917-1923 гг. М.: Наука, 1995. 229
2. Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 437 с.
3. Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 459 с.

4. Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с.
5. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России. 30-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 332 с.
6. Морозова Т. И. Организация и деятельность Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) (май 1924 – август 1930 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 23 с.
7. Морозова Т. И. Формирование партийно-советской элиты Сибири в 1920-е гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды : Междунар. науч.-практ. школа-конференция мол. ученых (8–9 октября 2019 г.). М.: ИРИ, 2019. С. 250–257.
8. Морозова, Т. И. Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики / Т. И. Морозова, В. И. Шишкин // Новейшая история России. 2020. № 4. С. 902–932.
9. Апальков Д. И. Внутрипартийная борьба в РКП(б) – ВКП(б): 1920-е – начало 1930-х гг.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2017. 20 с.
10. Олех Г. Л. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. 197 с.
11. Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922 – 1929 гг. Новосибирск: Изд-во Сиб. кадрового центра, 1994. 165 с.
12. Демидов В. В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 – декабрь 1929 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 1997. 32 с.
13. Василенко С. Г. Внутрипартийная борьба и Восточная Сибирь в первой половине 20-х гг. XX в. // Третьи университетские социально-гуманитарные чтения 2009 года: материалы. В 2 т. Т. 2. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. С. 241–244.
14. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2012. 586 с.
15. Шишкин, В. И. Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России / В. И. Шишкин, Н. Ю. Пивоваров // Вестник Новосиб. гос. ун-та.. 2015. Сер.: История, филология. Т. 14, вып. 8: История. С. 118–150.
16. Сафронова Ю. А. Всероссийская перерегистрация членов РКП(б) в Сибири (осень 1920 – весна 1921 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. М., 2016. С. 149–157.
17. Морозова Т. И. Проверка деревенских партийных организаций Сибири (январь 1926 – март 1927 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 4. С. 65–73.
18. Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 285 с.
19. Ефремов И. В. Антибольшевистские крестьянские выступления в Иркутской области и Красноярском крае в 1918-1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 27 с.
20. Гуцин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне в годы построения социализма (историография проблемы) // Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни: Материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 52–76.
21. Гуцин, Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е – середина 1930-х гг. / Н. Я. Гуцин, В. А. Ильиных. Новосибирск: Наука, 1987. 330 с.

22. См.: Павлова И. В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.
23. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919–март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1978. 333 с.
24. Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 - март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.
25. Грязнухин А. Г. Использование большевиками Восточной Сибири выборной системы для формирования системы политического контроля (20-е гг. XX в.) // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: Мат-лы. Т. 1. Иркутск: ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2011. С. 148 –152.
26. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Док-ты и мат-лы. В 4-х т. Т. 1. 1918-1922. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
27. Шекшеев А. П. Назначенцы и сепаратисты: борьба за власть в Минусинске (начало 1920-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 79–82.
28. Шекшеев А. П. Взаимоотношения советской власти и енисейских красных партизан в 1920-е годы // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 4 (34). С. 14-36.
29. Шекшеев А. П. Борьба за власть между коммунистами и централизация партийно-советского руководства на юге Енисейской губернии в начале 1920-х гг. // Известия лаборатории древних технологий: науч. журнал. Иркутск, 2014. № 3 (12). С. 68–92.
30. Шекшеев А. П. Еще раз о «Шарыповском деле», или о красном бандитизме в Ачинском уезде Енисейской губернии // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова: Сб. ст. Вып. 5. Минусинск: ООО «Издательские решения», 2023. С. 101–133.
31. Шишкин В. И. Шарыповское дело (к истории красного бандитизма в Сибири) // Октябрь и Гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 153–174.
32. Павлуновский И. П. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г. Ново-Николаевск, 1922. 80 с.
33. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. II. Героическая борьба за построение социализма и постепенный переход к коммунизму (с 1921 по 1969 годы). Красноярск: Кн. изд-во, 1970. 390 с.
34. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Док-ты и мат-лы в 5 томах. 1927-1939. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. 880 с.
35. Отчет о работе Енисейского губернского комитета РКП(б) 7 губернской конференции (с декабря 1922 г. по сентябрь 1923 г.). Красноярск, 1923. 114 с.
36. Шекшеев А. П. «Большинство критиковавших руководство ... были исключены из партии как оппозиционеры...». Эпизод политической борьбы в Енисейской губернской организации РКП(б) (1923 – 1924 гг.) // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): Мат-лы Сибирского исторического форума. Красноярск, 23–25 октября 2019 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2019. С. 425–428.
37. Шекшеев А. П. Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири. Ч. 2. 1925/26 и 1926/27 год // Известия лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 167–176.
38. Авторханов А. Г. Технология власти. М., 1991. 638 с.
39. Иванович Ст. Деревня в социальной революции // Крестьянская Россия: Сб. ст. по вопросам общественно-политическим и экономическим. Т. II – III. Прага: Крестьянская Россия, 1923. С. 32 – 48.

40. Данилов И. Б. Крестьянское сопротивление как причина неэффективности государственной политики по формированию волостных бюджетов Сибири в период нэпа // Вестник Томск. гос. ун-та. 2021. № 465. С. 80–86.
41. Макаров А. А. Власть и общество в Сибири: 1927–1933 гг. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2010. 184 с.
42. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг.: науч. изд-е. Красноярск: ООО «Изд-во «Поликор», 2019. 512 с.
43. Папков С. А. Руководящие кадры Сибири 1919–1941 гг.: Спр. Новосибирск: Академиздат, 2021. 600 с.
44. Бугаев, Д. А. На службе милицейской. Книга вторая. 1925–1930 гг. Часть первая. История Красноярской милиции в документах / Д. А. Бугаев, Л. С. Жалимов. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 224 с.
45. Каврайский, Б. А. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов советов Сибири. 1928–29 / Б. А. Каврайский, И. П. Хамармер. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. 120 с.
46. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Док-ты и мат-лы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
47. Куперт Ю. В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1982. 412 с.
48. Резолюции 5-й Хакасской окружной партконференции. Минусинск, 1930. 39 с.
49. Шекшеев А. П. Политические настроения хакасской общественности в 1930 г. // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию образования Республики Хакасия (23-24 июня 2011 г.). Абакан, 2011. С. 90–95.
50. См.: Морозова Т. И. Схватка в партийно-советской элите Сибири 1930 года: провал заговора против Р. И. Эйхе // Вестник Тверск. гос. ун-та. Тверь, 2014. № 3. С. 137–152.
51. Киселева Е. Л. Чистка государственного аппарата 1929–1932 гг.: основные комплексы источников, их анализ и значение: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 179 с.

Список использованных архивных источников

1. Власть труда (Минусинск). 1922.

© Шекшеев А. П., 2024

ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 752. Л. 124. - в апреле 25 г. отв. секр. Мин. УК С.А.Проскуряков - о работе Минус. УК с нояб. 1924 г. : Склоки в ноябре были изжиты. Выброшены из партии были 3 тыс. бывших партизан и прочих. В 1920 г. здесь до 4,5 тыс. коммунистов-партизан. Было 1245 комм-в, на апрель 1925 г. 1002. Из комм-в 60 % крестьяне. Л. 127. - Во время склоки были подсиживание, подкарауливание ответраб-в. Ставили им гробы под кровати и писали на них угрозы, что будете в них, если не прекратите бюрократизм. Ранее за 2-3 месяца менялся аппарат УК. Л. 145. Из Минус. парторганизации в 1920-22 гг. выброшены 783 чел. с 1 января 1923 г. по 1

апреля 1925 г. 190 чел. За 1924-25 гг. механически выбыли 156 чел. Всего: с 1920 г. 1129 чел.

ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2094. Л. 61. - В 1924 г. в Минус. у. исключили из партии 11 % всех комм-в, в 25 г. - 9 %, в 26 г. - 6, на 1 октября 1927 г. 7 %.

ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 425. - С 9 по 1 декабря 20 г. по Туруханск. краю - В Турух. орг-ции РКП(б) 5 чел. крестьян. В деревнях ячеек нет. Кроме д. Селиваниха, где есть ячейка сочувствующих. Многие из красноармейцев-крестьян, как и их командир Третьяков, сохранили партизанские взгляды.

ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 348. Л. 1. - В Шерчульск. вол. Красн. у. с б-й ушли секретарь ВИКа, учитель и вся милиция.

ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 674. Л. 28. - Май 21 г. в с. Алзамайское с/с угождал священнику, отвел под квартиру заезж. дом.

ГА НО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 114. Л. 79. - В д. Хетчиково Канск. о. с 24 г. коллект. х-во, с 29 г. перешли на устав коммуны. Предс. Ф. Кищуков устраивал вечеринки, получал командировочн. и зарплату. Выдал 7 т.р. выходцам из фонда, предназначенного на уборку урожая, постройку жив. помещений. В к-з принимал заж-х. Приговорен к 5 годам. Второй предс. - его брат Григорий - пьянство, под снегом остались 4 га турнепса, 314 га пшеницы, 50 возов овса в поле. Сдал под расписку 13 т. п. чистосотр. пшеницы, которой в закромах не оказалось. Приговорен к 5 годам л/св. Л. 97. - В Ачинск. о. Предс. и секр. Дуровск. с/с Боготол. р-на выдавали кулакам удостоверения, получая водку, деньги. Четский с/с того же р-на постановил: «Коллективы нам не нужны, кулаков у нас нет». Расследование.

ГА НО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2006. Л. 178. - Вероятно речь идет о времени не позднее апреля 1933 г. Ачинск. р-н - 53 с/с. Задача по укреплению с/с была выражена в решении краев. комитета партии 13 января, в котором предлагалось РК и РИКаМ провести отчетно-довыборную кампанию с/с. Проведению её районное рук-во не придало должного политического значения, не обеспечило конкретн. операт. рук-м. Из 53 с/с она проводилась в 37. Не подвело итогов, не сделало полит. анализа. В итоге с/с р-на к весен.-полев. р-м вышли неукрепленными. Л. 179. - Из 489 депутатов отозвано 181 - 34,7 %. , в т.ч. 11 классово-чуждых, 88 бездействующих, злоупотребл. положением и угол. преступников - 12. Рост числа секций и с ним вовлечено вновь актива 194 чел. Но в ряде с/с секции не раб-ли, не было депутатск. групп в к-х. Не раб-ли и с/х производ. совещания. Рук-во селом проходило в основном путем посылки уполн-х. Снятие предс. и выговоры. С февр. снято 10 предс. с/с - 18,8 %. Выговоры даны 23 предс. Л. 180. - По причине провала

вес.-пол. р-т, злоупотребления и связь с чужд. элементом. По 41 с/с 16 предс. с/с - комм-ты, б/п - 25. Засоренность: Андриенко - предс. Мазульск. с/с, кандидат партии, не желает наживать врагов, дом и имущ-во высланного кулака Курицына растаскивается; Козлов - секр. Карловск.с/с, живет под др. фамилией, ведет агитацию против сдачи хлеба; Вайда - предс. Глушковск. с/с, канд. партии, пьянствовал, отдал под суд бедняка, партийца; в Б.-Улуйск. с/с секретарем раб-л сын жандармск. ротмистра, расстрелянного за б-м. Л. 182. - В ачинских сов. и хоз. органах раб-ли 15 б/белых офицеров, 2 офицера царск. армии, в чине капитана и полковника, классово-чуждых и настроенных антисоветски - в районе - 11 чел. Всего 25 чел.

ГА НО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 59. Л. 71. - Письмо предс. край ККОВ Ступаку от предс. Билилюссск. рай. ККОВ Ачинск. о. Романенко К.М. Директиву получил 20 марта 30 г. Он сам бедняк, с нояб. 28 г. предс. рай ККОВ и зав. райсобесом РК партии. До декаб. 29 г. без техн. раб-ка, помощи от РИКа не получал. Р-л уполн-м РИКа по х/заготовкам. Пробыл до 13 нояб. 29 г. В это время от окрККОВ и ОИКа поступили директивы и контр. цифры по сбору семен. фондов. Они пролежали с окт. по 13 нояб. Разослал план сбора, но с/с, упол-е РИКа не уделили внимания, а ККОВ не смогли собрать. До января сбор семян проводился слабо. Написал докл. записку в презид. РИКа. Дали вместо помощи строг. выговор. Окр ИК за это же дал выговор предс. РИКа, приехали из округа члены презид. КК. РК ВКП(б), выслушав сего доклад, исключил из партии и передал дело следств. органам. 12 янв. 30 г. презид. РИКа - райсъезд ККОВ, где вопрос о перевыборах презид. райККОВ. 11 янв. исключили из партии, съезд возражал, но по инициативе РИКа его переизбрали. Ревкомиссия прверила р-ту, милиция расследование не проводила. Работаю и по сей день предс. райККОВ, не избран, не кооптирован. Предс. РИКа сняли с р-ты, секр. РК сняли и из партии. Семфонды на 15 апр. 30 г. собраны на 130 %. Политически растерян.

ГА НО. Ф. П-3. Оп. 3. Д.96. Л. 2. - На 14 августа 30 г. - В Нососеловаск. с-зе «Овцевод» с 10 июля 32 тр-ра стояли неделю. Л. 13. - Дир-р снят с р-ты за халатность, бездеятельность и бесхоз-ть.

ГА НО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д.277. При перевыборах 26-27 г. Л. 50. - В Ачинск. о. лишили избират. прав 14 членов с/с. Л. 115. - В д. Хлоптуново Красн. о. предс. с/с провел выявление объектов налог. обложения с больш. сокрытием. Их выявил член РИКа. Л. 117. - С момента перевыборов и на 15 дек. 27 г. в Канск. о. снят с р-ты 41 предс. с/с - 12 % состава. Пьянство, испол-е служ. положения.

ГА НО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 293. Выборы с/с в 26/27 г. Л. 32. - В с. Мал. Камала Канск. о. уже второй состав с/с отдан под суд за организован. укрытие объектов обложения.

В своей "Истории Советского Союза" Дж. Боффа еще в 1976 году предположил, что первые трещины в сплочённом блоке областных секретарей вокруг Сталина образовались в 1930-м году, когда лидер публично переложил на них ответственность за "перегибы" в коллективизации деревни. К концу коллективизации их власть на местах существенно укрепились. После многих лет работы на одних и тех же местах они олицетворяли для народа советскую власть: в общественных местах выставлялись их портреты, их имена присваивали промышленным предприятиям, а речи без купюр печатались в областных газетах. Многие из них отличились ещё в годы гражданской войны, и боевое прошлое придавало им смелости. после проведения самой тяжёлой задачи диктатуры пролетариата по коллективизации крестьянства нужно "прежде всего дать как можно более высокую доходность колхозов, быстрее поднять урожайность". Однако она противоречила сталинскому курсу на выкачивание из колхозов зерна и продовольствия на благо строящейся индустрии. областным деятелям требовалась хозяйственная свобода на местах. но сталинская модель управления без централизации существовать не могла.